

ВЕСЬ СТИВЕНСОН

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

*С. Л. О.,
американскому
джентльмену, классический вкус
которого способствовал
появлению этого рассказа,
теперь, в благодарность за
многие приятные часы,
посвящает с лучшими
пожеланиями
его преданный друг,
автор.*

СОМНЕВАЮЩЕМУСЯ ЧИТАТЕЛЮ

Когда рассказов ряд о смелых морях,
О приключениях их, о бурях и преградах,
О шхунах, островах, бездольных бедняках,
Оставленных на них, и о зарытых кладах,
И о разбойниках, — все в духе старины
Вам нравится еще, как нравилось мне тоже,
О, юноши, начать вы чтение должны.
А если нет, и вкус у нашей молодежи
Теперь пропал к тому, что восторгало нас,
И восхищать ее совсем уже не стали
Кингстон и Беллентейн, иль Купера рассказ
О водах и лесах, там, в необъятной дали, —
То — будь что будет!.. Мне останется одно:
Моим пиратам всем найти успокоенье:
В могилу с ними лечь, — куда легли давно
Те старые творцы, и с ними их творенья...¹

¹ Перев. П. В. Быкова.

Часть первая

Старый буканьер

Глава I

Морской волк в гостинице «Адмирал Бенбоу»

И о просьбе сквайра Трелонея, доктора Лайвесея и других джентльменов, пожелавших, чтобы я подробно описал Остров Сокровищ, не скрывая ничего, кроме его географического положения (так как на нем осталась еще масса богатств), — я берусь за перо в 17... году и приступаю к рассказу. Начну с того старого времени, когда еще мой отец держал гостиницу «Адмирал Бенбоу», и под нашей крышей впервые поселился загорелый старый моряк с сабельным шрамом на щеке. Я так живо помню, точно это случилось только вчера, как он подошел, тяжело ступая, к нашей двери; за ним человек вез в ручной тележке его морской сундук. Это был рослый, крепкий, грузный человек, с коричневым, как скорлупа ореха, загаром, с жирной косичкой, болтавшейся на спине, и в засаленном синем сюртуке. Руки его, с черными обгрызанными ногтями, были покрыты рубцами, а одну щеку пересекал отвратительный багрово-синий шрам от

сабельного удара. Помню, как он оглядывался кругом, всматриваясь в залив, на берегу которого стояла наша гостиница, и насвистывал себе что-то под нос, а затем громко запел старую матросскую песню, которую он так часто пел после:

«Пятнадцать человек на ящик мертвеца, —
Ио-хо-хо и бутылка рома!».

Он пел высоким, старчески дрожащим и надтреснутым голосом, затем постучал в дверь концом палки, которую держал в руках и которая походила на костыль, и, когда отец мой появился в дверях, грубо заказал себе стакан рома. Когда ром был принесен, он стал медленно пить его, отхлебывая маленькими глотками, как знаток в этом деле, все поглядывая кругом на утесы и на нашу вывеску.

— Славный залив! — проговорил он наконец. — И отличное место для таверны. Что, много бывает здесь посетителей, дружище?

Отец ответил, что очень немного.

— Отлично! — заметил моряк. — Значит, как раз место стоянки для меня. Сюда, друг! — крикнул он человеку, который вез тележку. — Подъезжай к самому борту и помоги втащить сундук наверх. Я остановлюсь здесь на некоторое время! — продолжал он. — Я покладистый человек

ром да ветчина, да яйца — больше мне ничего и не надо; да вот еще этот утес, откуда бы я мог следить за судами... Как вам звать меня? Вы можете звать меня капитаном... О, понимаю, чего вам надо, — вот!

С этими словами он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

— Можете сказать мне, когда эти деньги выйдут! — прибавил он, бросая на отца такой надменный взгляд, точно он был командиром судна.

Несмотря на плохую одежду и грубую речь, этот странный человек не походил на простого матроса, а скорее имел вид штурмана или шкипера, привыкшего, чтобы его слушали и боялись. Человек, который привез тележку, рассказал нам, что тот приехал накануне в гостиницу «Королевский Георг» и разузнавал о постоянных дворах на берегу; услышав хорошие отзывы о нашей гостинице и то, что она стоит вдали от всякого жилья, он предпочел ее другим. Это было все, что мы узнали о нашем постояльце.

Он был очень молчалив по большей части. Целый день бродил он по берегу залива или уходил на утесы с медной подзорной трубой в руках, а все вечера напролет просиживал в углу общей комнаты, возле огня, выпивая большое количество рома с водой. Обыкновенно он не принимал

участия в общем разговоре, только неожиданно бросал иногда свирепые взгляды да высвистывал носом, точно на фаготе. Скоро все наши посетители привыкли не обращать на него внимания. Каждый день, возвращаясь со своей прогулки, он спрашивал, не проходил ли по дороге какой-нибудь моряк. Первое время мы думали, что он жаждет подходящей для себя компании и оттого спрашивает про моряков, но потом увидели, что он, напротив того, избегает их общества. Если какой-нибудь моряк заворачивал в «Адмирал Бенбоу», направляясь береговой дорогой в Бристоль, — как некоторые делают еще и теперь, — наш постоялец разглядывал его сначала из-за занавески у двери раньше, чем войти в комнату. И можно было заранее быть уверенным, что он в присутствии нового посетителя будет нем как рыба. Причина этого не была для меня тайной, так как он скоро посвятил меня в свои тревоги, сделав отчасти соучастником их. Однажды он отвел меня в сторону и обещал до серебряной четырехпенсовой монетке первого числа каждого месяца, если я буду зорко следить за тем, не покажется ли на берегу «моряк на одной ноге», и сейчас же дам ему знать о его приближении. Часто случалось, что, когда я являлся к нему после первого числа за своими деньгами, он только сопел носом и мерил меня пристальным взглядом с ног до

головы, но не проходило и недели, как он менял свой образ мыслей, приносил мне мою четырехпенсовую монетку и повторял приказание глядеть в оба, чтобы не прозевать «моряка на одной ноге».

Не могу и сказать вам, как преследовал меня этот таинственный одноногий моряк во сне и наяву. В бурные ночи, когда ветер завывал в углах дома и морские волны с ревом разбивались о берег залива, он чудился мне в тысяче различных образов, с самым дьявольским выражением лица. То нога его была отнята только до колена, то вся целиком. Иногда он представлялся мне каким-то чудовищем, у которого уже от рождения была только одна нога, и та посередине туловища. Самым ужасным кошмаром было то, когда он преследовал меня, перепрыгивая через плетни и канавы. Таким образом, ценой этих ужасных видений я дорого расплачивался за мой ежемесячный четырехпенсовик.

Но, несмотря на ужас, который внушал мне воображаемый одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. Случалось, что он выпивал за вечер большее количество рома с водой, чем могла выдержать его голова. И тогда он сидел и распевал свои скверные и дикие морские песни, не обращая ни на кого внимания. Но иногда он требовал, чтобы и другие

пили вместе с ним, и заставлял дрожавших от страха посетителей слушать истории, которые он рассказывал, или петь вместе с ним. Стены дома часто дрожали от потрясающих звуков: «Ио-хо-хо, и бутылка рома!»

Все соседи присоединялись под страхом смерти к этому дикому пению, и каждый старался перекричать других, чтобы не навлечь на себя замечания, так как во время таких припадков капитан бывал страшен: он колотил рукой по столу, чтобы водворить общее молчание, и вскипал яростным гневом за всякий вопрос, который ему предлагали, иногда же именно за то, что его ни о чем не спрашивали, так как считал это за признак того, что слушатели не следят за его рассказом. Никому не позволялось также уйти в эти вечера домой раньше, чем он не напивался совершенно, начинал клевать носом и, шатаясь, отправлялся спать.

Больше всего пугали народ его рассказы. Это все были страшные истории о повешенных, о морских ураганах, о диких злодеяниях в Испанских владениях. По его собственным рассказам выходило, что он провел свою жизнь среди отчаяннейших негодяев, какие только плавали по морю. Тот язык, на котором он передавал свои приключения, пугал наших простодушных поселян почти столько же, как и те преступления, которые

он описывал. Мой отец всегда говорил, что нашей гостинице грозит разорение, так как народ скоро вовсе перестанет посещать ее: кому же приятно, чтобы его пугали чуть не до смерти и затем отправляли в таком состоянии домой?!

Но, по-моему, присутствие старого моряка было только выгодно для нас. Правда, наши посетители набирались-таки порядочного страху, но его хватало ненадолго, и вспоминать страшные истории бывало даже приятно. Это вносило разнообразие и оживление в мирную деревенскую жизнь; нашлись даже молодые люди, которые, восхищаясь нашим постояльцем, прозвали его «старым морским волком» и другими подобными именами и говорили, что он из тех, которые сделают Англию грозой морей.

В одном только отношении наш жилец оказался разорительным для нас: он проводил у нас неделю за неделей, а затем и месяц за месяцем, так что данные им деньги давно уже иссякли, а отец мой не решался настаивать на получении новых. Если же случалось, что отец намекал ему об этом, он начинал так громко свистеть носом, что можно было принять этот звук за рев, и мой отец быстро исчезал из комнаты. Я видел, как отец ломал себе руки после одного из таких поражений, и уверен, что волнения и ужас, которые он переживал в эти минуты, сильно повлияли на его раннюю смерть.

За все время, что капитан прожил у нас, он не менял своей одежды и только купил несколько пар чулок у разносчика. Когда с его шляпы свалилась пряжка и один из отворотов повис, он оставил его в таком виде, хотя это было очень неудобно, когда дул сильный ветер. Я живо помню его сюртук, который он сам чинил наверху, в своей комнате, и который, наконец, превратился в сплошной ряд заплат. Он никогда не писал и не получал писем, а разговаривал только с посетителями, да и то большей частью после того, как напивался рома. Большой сундук его никогда никто из нас не видал открытым.

Только раз встретил капитан отпор, и это было тогда, когда отец уже давно страдал чахоткой, от которой он впоследствии и умер. Доктор Лайвесей пришел как-то поздно навестить своего пациента, закусил остатками обеда, которые предложила ему моя мать, и пошел в чистую комнату выкурить трубку в ожидании, пока ему приведут из деревни лошадь, так как у нас в старом «Бенбоу» не было конюшни. Я пошел за ним следом, и, помню, мне бросился в глаза контраст между изящным, щеголеватым доктором, с белоснежной пудрой на парике, блестящими черными глазами и мягкими, приятными манерами, приобретенными от постоянного общения с веселыми простолюдинами — и грузным, мрачным

чудовищем — пиратом, который сидел, облокотившись о стол руками, и уже давно угощался ромом. Вдруг капитан — это был он — начал высвистывать свою вечную песню:

«Пятнадцать человек на ящик мертвеца, —
Ио-хо-хо и бутылка рома!
Пьянство и черт доделали свое дело —
Ио-хо-хо и бутылка рома!»

Сначала я думал что «ящик мертвеца» — это и был тот сундук капитана, который стоял наверху в его комнате, и эта мысль смешалась в моих кошмарах с мыслью об одноногом моряке. Но потом мы все-таки привыкли к этой песне, и не обращали на нее особенного внимания. В тот вечер она была новинкой только для доктора Лайвесея, и я заметил по его лицу, что она не произвела на него приятного впечатления. Он сердито вскинул вверх глаза, прежде чем начать разговор со стариком Тэйлором, садовником, по поводу нового лечения ревматизма. Между тем капитан все более и более возбуждался собственным пением и, наконец, ударил рукой по столу, что, как мы уже знали, должно было призвать всех к молчанию. Голоса в комнате сразу стихли, все, кроме голоса Лайвесея, который по-прежнему толковал что-то ясно и добродушно, попыхивая после каждого двух слов своей трубкой. Капитан несколько секунд глядел на

него, затем вторично хлопнул ладонью по столу, еще пристальнее взглянул на него и, наконец, разразился окриком, сопровождая его отвратительным ругательством:

— Замолчите вы там!

— Вы обращаетесь ко мне, сэр? — сказал доктор, и получив утвердительный ответ, прибавил: — Могу вам сказать только одно, сэр, что если вы не перестанете пить ваш ром в таком количестве, свет скоро избавится от одного из гнусных бездельников!

Капитан пришел в бешеную ярость. Вскочив на ноги, он вытащил и раскрыл складной морской нож и, размахивая им, грозил пригвоздить доктора к стене. Но тот даже не тронулся с места и проговорил через плечо прежним тоном, — громко, так, что слышно было всем в комнате, но совершенно спокойно и твердо:

— Если вы сию же минуту не спрячете нож в карман, я, клянусь честью, притяну вас к суду!

Затем они обменялись взглядами. В конце концов капитан уступил и, спрятав оружие, занял снова свое место, ворча, как побитая собака.

— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — когда я уже знаю, что на моем участке водится такой молодец, вы можете рассчитывать, что я буду следить за вами днем и ночью. Ведь я не только врач, но и судья, и при первой жалобе на вас, хотя

бы за грубость, как сегодня, приму энергичные меры к выселению вас отсюда. Можете быть уверены в этом!

Вскоре после этого доктору подали лошадь, и он уехал. Но капитан притих не только на этот вечер, а и на многие следующие.

Глава II

Появление Черного Пса

Немного времени спустя после этого произошло первое из тех таинственных событий, благодаря которым мы развязались с капитаном, но, как вы увидите дальше, не освободились от его дел. Стояла суровая зима с продолжительными, трескучими морозами и сильными ветрами. В первый раз нам стало ясно, что мой отец вряд ли доживет до весны. Он слабел с каждым днем, и вся гостиница была на руках у меня и матери. У нас было дел по горло, так что некогда было уделять много внимания нашему неприятному жильцу.

В одно январское утро, очень рано — мороз так и щипал за щеки, — залив был весь покрыт седым инеем, струйки воды мягко журчали по камням, и солнце стояло еще низко, лаская своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан поднялся раньше обыкновенного и сидел на берегу со своим кортиком, болтавшимся под широкими

полами старого синего сюртука, подзорной трубой под мышкой и шляпой, сдвинутой на затылок. Помню, что дыхание его клубилось в воздухе, точно белый дымок, когда он зашагал по берегу большими шагами. Последний звук, который он произнес, скрываясь за утес, выражал негодование, точно мысли его вращались около доктора Лайвесея.

Мать была наверху около отца, и я накрывал стол для завтрака к приходу капитана, когда вдруг отворилась дверь и вошел человек, которого я до сих пор никогда не видел. У него было бледное, болезненное лицо, и на левой руке недоставало двух пальцев. Несмотря на кортик за поясом, он вовсе не имел воинственного вида. Я всегда особенно внимательно присматривался к морякам, все равно, обладали ли они одной ногой или двумя, и помню, что этот человек привел меня в некоторое смущение. Он не имел вида моряка, и тем не менее все в нем напоминало море.

Я спросил его, что ему нужно, и получил в ответ, что он желал бы рому. Но когда я собирался уже выйти из комнаты, чтобы принести ром, он сел за стол и сделал мне знак подойти к нему ближе. Я остановился, держа в руке салфетку.

— Подойди сюда, сынок! — проговорил он. — Подойди ближе!

Я придвинулся на один шаг.

— Этот стол, вот здесь, для моего товарища Билля? — спросил он, подмигивая мне.

Я отвечал, что не знаю его товарища Билля, а что этот стол накрыт для нашего постояльца, которого мы зовем капитаном.

— Прекрасно, — сказал он, — моего товарища Билля можно назвать и капитаном, почему бы и нет?! У Билля шрам на одной щеке и очень приятное обхождение, особенно, если он выпьет лишнее. Скажем так, ради убедительности, что и у капитана есть шрам на щеке, и скажем, если вам угодно, что именно на правой. А, отлично! Я так и говорил вам. Ну-с, так мой товарищ Билль здесь, в этом доме?

Я сказал, что он вышел погулять.

— Куда, сынок? Какой дорогой он пошел?

Я показал ему скалу, за которой капитан скрылся, сказал, какой дорогой и как скоро он должен вернуться, и ответил еще на несколько вопросов.

— О, — проговорил он тогда, — мой приход доставит моему товарищу Биллю такое же удовольствие, как и выпивка!

Выражение его лица при этих словах было не из приятных, да и у меня были основания полагать, что он сильно ошибался, если даже предположить, что он думал то, что говорил.

Но это было не мое дело, как я полагал, да и

трудно было что-нибудь предпринять в данном случае.

Незнакомец некоторое время стоял около дверей, выглядывая из-за угла на улицу, точно кошка, выслеживающая мышь. Я тоже вышел было на дорогу, но он сейчас же отозвал меня назад, и, когда я недостаточно быстро послушался, его болезненное лицо страшно исказилось, и он так крикнул на меня, что я даже подпрыгнул. Тогда его лицо приняло прежнее, наполовину вкрадчивое, наполовину насмешливое выражение и, похлопав меня по плечу, он сказал, что я славный мальчик и что он чувствует нежность ко мне.

— У меня есть сын, — сказал незнакомец, — и вы похожи друг на друга, как две капли воды. Я горжусь им. Но великая вещь для мальчиков — это послушание, сынок, да, послушание! И если бы вы поплавали с Биллем, то мне не пришлось бы знать вас два раза. А вот, наверное, и мой товарищ Билль со своей подзорной трубой под мышкой. Мы с вами вернемся в комнату, сынок, и спрячемся за дверь, чтобы сделать Биллю сюрприз!

С этими словами незнакомец вошел со мной в комнату и встал за дверью, поставив меня позади себя в угол, так что мы оба скрывались за отворенной дверью. Я чувствовал себя очень не по себе и встревоженным, как вы можете себе представить, и мое беспокойство еще усилилось,

когда я заметил, что и незнакомец также, видимо, трусил. Он пощупал рукоятку своего кортика и слабее вложил клинок в ножны. Все время, пока мы стояли так в ожидании, он делал глотательные движения, точно что-нибудь застряло у него в горле.

Наконец вошел капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо через всю комнату к столу, где был приготовлен для него завтрак.

— Билль! — окликнул его незнакомец, стараясь придать своему голосу как можно больше храбрости, как мне показалось.

Капитан круто повернулся на каблуках и очутился лицом к лицу с нами. Краска сбежала с его лица, и только нос его остался синеватым. Он имел вид человека, который увидел перед собой привидение или самого дьявола, или что-нибудь еще хуже, если только бывает что-нибудь хуже этого. И, честное слово, мне даже стало жалко его, так он вдруг постарел и опустился в одну минуту.

— Пойди сюда, Билль, — продолжал незнакомец, — ведь ты узнаешь меня, ты узнаешь, конечно, своего старого корабельного товарища, Билль!

Из груди капитана вырвался подавленный вздох.

— Черный Пес! — пробормотал он.

— А кто же, как не он? — ответил незнакомец, приободрившись. — Черный Пес пришел проведать своего старого товарища по судну, Билля, в гостиницу «Адмирал Бенбоу». Ах, Билль, Билль, много воды утекло для нас обоих с тех пор, как я лишился этих двух когтей!

При этом он поднял свою искалеченную руку.

— Ну, гляди сюда! — проговорил капитан. — Я здесь, и вот что со мной сделалось! Теперь отвечай, что это значит, что ты пришел, и что тебе надо?

— Узнаю тебя, Билль! А теперь я хочу, чтобы этот милый мальчик принес мне стакан рома, и мы сядем с тобой, если тебе угодно, и потолкуем по душам, как старые корабельные друзья!

Когда я вернулся с ромом, они уже сидели за столом — Черный Пес у самой двери и притом боком, чтобы одним глазом следить за своим старым товарищем, а другим — посматривать на дверь и вовремя спастись бегством, как мне показалось. Он приказал мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы никто не подглядывал в замочную скважинку, сынок! — сказал он.

Я оставил их вдвоем и вернулся за прилавок в буфет. Долгое время, несмотря на все старания с моей стороны, мне не было ничего слышно, так как они говорили шепотом. Но мало-помалу голоса их

становились все громче, и до меня стали долетать отдельные словечки, по большей части ругательные, которые произносил капитан.

— Нет, нет, нет и нет. И покончено с этим! — крикнул он. А потом — Если уж качаться на веревке — так всем!

Затем вдруг донесся страшный шум попеременно с целым потоком ругательств; стол и стул полетели на пол, раздался звон стали и затем крик боли. В следующую секунду я увидел Черного Пса обратившимся в бегство. Капитан пустился за ним вдогонку, и у обоих были обнажены кортики, а у первого текла кровь из левого плеча.

У самой двери капитан замахнулся ножом на беглеца и наверное рассек бы ему поясницу, если бы не помешала наша крупная вывеска «Адмирал Бенбоу». Еще и сейчас можно видеть рубчик на нижнем ее краю. Этим ударом драка окончилась. Очуввшись на свободе, Черный Пес, несмотря на свою рану, пустился бежать с такой быстротой, что в воздухе только мелькали его пятки, и через полминуты исчез за холмом. Капитан же, со своей стороны, неподвижно стоял в дверях, точно в каком-то оцепенении; затем он несколько раз провел рукой по глазам и вернулся в дом.

— Джим, — сказал он, — рому!

Говоря это, он пошатнулся и ухватился рукой за стену.

— Вы ранены? — вскричал я.

— Рому! — повторил он. — Мне надо убраться отсюда. Рому, рому!

Я бросился за ромом. Но так как я весь дрожал после всего того, что только что произошло, то разбил стакан. Продолжая возиться около крана, я вдруг услышал громкий стук от падения чего-то тяжелого. Вбежав в комнату, я увидел капитана лежащим во весь рост на полу,

В эту минуту моя мать, встревоженная криками и дракой, прибежала сверху на помощь мне. Нам удалось вдвоем приподнять голову капитана. Он дышал громко и тяжело, но глаза были закрыты и лицо имело ужасный вид.

— О, горе, горе мне! — вскричала моя мать. — Что за несчастье тяготеет над нашим домом! И еще твой бедный отец к тому же болен!

Мы не знали, как помочь капитану, но не сомневались, что он получил смертельную рану в драке с незнакомцем. Я принес рому и пробовал влить его ему в горло, но зубы его были крепко стиснуты, и челюсти нельзя было разжать — они превратились точно в железо. Мы вздохнули с облегчением, когда дверь отворилась, и вошел доктор Лайвесей, приехавший навестить отца.

— О, доктор! — вскричали мы. — Что нам делать с ним? Куда он ранен?

— Ранен?! — переспросил доктор. — Да он

так же ранен, как и мы с вами! Это удар, о котором я предупреждал его. Ну, мистрис Гаукинс, отправляйтесь теперь к вашему мужу и ничего не говорите ему о случившемся, если это возможно. Я же, со своей стороны, должен употребить в дело все свое искусство, чтобы спасти этому молодцу жизнь. Джим принесет мне таз!

Когда я вернулся с тазом, доктор уже разорвал рукав капитана и обнажил его мускулистую руку, которая была вся татуирована надписями вроде: «Здесь счастливое место», или «Благоприятный ветер», или «Билли Бонса мечта». Все это было ясно и четко написано на предплечье, а выше, около плеча, сделан был (очень искусно, по моему мнению) набросок виселицы, на которой раскачивался человек.

— Пророческий рисунок! — проговорил доктор, дотрагиваясь пальцем до изображения виселицы. — А теперь, мистер Билли Бонс, если это действительно ваше имя, мы взглянем на цвет вашей крови. Джим, — обратился он ко мне, — вы боитесь вида крови?

— Нет, сэр! — отвечал я.

— Отлично! В таком случае, держите таз!

С этими словами он взял ланцет и вскрыл вену. Много крови вышло раньше, чем капитан открыл глаза и обвел все туманным взором. Прежде всего он увидел доктора, и брови его нахмурились,

потом взгляд его упал на меня, и он успокоился. Но вдруг лицо его исказилось, и он сделал усилие приподняться, воскликнув:

— Где же Черный Пес?

— Здесь нет Черного Пса! — отвечал доктор. — С вами был удар, как я предсказывал вам, так как вы не переставали пить ром, и вы были уже одной ногой в могиле, но я помог вам выкарабкаться оттуда, не скажу, чтобы по собственному желанию. А теперь, мистер Бонс...

— Это не мое имя! — прервал его капитан.

— Все равно, — сказал доктор. — Это имя одного моего знакомого морского разбойника, и я зову вас так для скорости. Вот что я хочу сказать вам: один стакан рому не убьет вас, но если вы выпьете один, то за ним последует и второй, и третий, а я вам говорю, что если вы не перестанете пить, то умрете. Понимаете? Умрете и пойдете в приготовленное для вас местечко, как тот человек в библии. А теперь сделайте усилие и пойдете. Я доведу вас до вашей постели!

Мы с большим трудом провели его наверх и уложили в постель. Голова его сейчас же откинулась в изнеможении на подушке, точно он лишился чувств.

— Ну, так запомните же хорошенько, — повторил доктор, — говорю вам, что ром — это смертельный яд для вас!

С этими словами он отправился к моему отцу, взяв меня под руку.

— Это обойдется, — сказал он, как только затворил за собой дверь. — Я выпустил у него достаточно крови, и он оправится. Он только пролежит с недельку в постели — это будет самое лучшее и для него, и для вас. Но второй удар не сойдет ему так легко с рук.

Глава III Черная метка

Около полудня я вошел в комнату капитана с прохладительным питьем и лекарствами. Он лежал почти в том же положении, как мы оставили его, только несколько выше, и казался в одно и то же время ослабевшим и возбужденным.

— Джим, — сказал он, — вы один здесь славный малый, другие ничего не стоят. И вы знаете, что я всегда был добр с вами, и каждый месяц давал по четыре пенса серебром. А теперь вы сами видите, дружище, в каком я жалком положении и лишен всего. Так вот, Джим, принесите мне кружечку рому, а?

— Но доктор... — начал я.

Тогда он слабым голосом, но энергично обрушился на доктора.

— Все доктора ничего не понимают. Да и что

может знать здешний доктор о морях, скажите на милость? Я бывал в странах, где было жарко, как в горячей смоле, и кругом меня валились с ног мои товарищи от желтой лихорадки, а земля колыхалась от землетрясения, точно море, — разве доктор знает такие страны? И я жил только ромом, говорю вам. Он был для меня и питьем, и едой, заменял мне семью и все. Если я не выпью теперь рому, я буду все равно как старое негодное судно, выброшенное на берег, и кровь моя падет на вас, Джим, и на этого душегубца доктора!

Он откинулся назад с проклятиями.

— Взгляни-ка, Джим, как у меня шевелятся пальцы, — продолжал он жалобным голосом. — Я не могу удержать их, чтобы они не шевелились. Я ни капли не выпил за сегодняшний день. Этот доктор просто дурак, говорю тебе. Если я не выпью глоточка рома, мне привидятся всякие ужасы, и я уже видел кое-что. Я видел одного человека, старика Флинта, вон там, в углу, позади вас, так же ясно, как если бы это было нарисовано. Сам доктор сказал, что один стаканчик не убьет меня. Я дам вам гинею, Джим, за одну кружечку, только одну!

Возбуждение его все росло, и я встревожился за моего отца, которому было очень плохо в тот день и нужен был покой. Кроме того, меня убеждали слова доктора относительно одного стакана рома, и оскорбило предложение капитана

подкупить меня.

— Не надо мне ваших денег, — сказал я, — кроме того, что вы должны моему отцу. Я принесу вам один стакан, но только один!

Когда я принес ему рому, он жадно схватил стакан и выпил его до последней капли.

— О, о! — сказал он, — Так-то получше, честное слово! А что, дружище, говорил доктор сколько времени лежать мне на этой старой койке?

— По крайней мере, неделю!: — отвечал я.

— Гром и молния! — вскричал он. — Целую неделю! Но я не могу ждать так, долго: «они» пришлют мне «черную метку». Негодяи наверное бродят уже и теперь тут. Не умели держать свое, а теперь зарятся на чужое! Разве такое поведение достойно моряка, хотел бы я знать? Но меня трудно провести. Я никогда не сорил своими деньгами и терять их не желаю. И я прогоню их отсюда. Меня они не запугают, нет! Не на того навали!

С этими словами он с усилием поднялся на постели, опираясь на мое плечо так сильно, что я едва не вскрикнул, от боли, и передвигая ноги с таким трудом, точно это были мертвые колоды. Энергичные слова его не соответствовали слабому голосу, которым они были произнесены. Сев на край постели, он остановился, чтобы передохнуть.

— Этот доктор доконал меня! — пробормотал он. — В ушах у меня стоит зван. Положи меня

опять!

Но не успел я помочь ему, как он сам упал в прежнее положение и некоторое время лежал молча.

— Джим, — проговорил он наконец, — видели вы этого моряка сегодня?

— Черного Пса? — спросил я.

— Да, — проговорил он. — Он скверный, человек, но есть и еще хуже, тот, кто прислал его сюда. Так вот, если мне нельзя будет уехать отсюда, и они пришлют мне «черную метку», то помните, что им нужен мой сундук... Тогда садитесь на лошадь и скачите к доктору, пускай он созовет людей и перехвати их — это все шайка старого Флинта. Я был помощником Флинта и один знаю его тайну, знаю, «где лежит»... Он открыл мне это перед смертью. Но надо подождать, чтобы они прислали мне «черную метку», раньше нельзя никому говорить об этом.

— Что это за «черная метка», капитан? — спросил я.

— Это вызов, дружище! Я расскажу вам об этом, когда пришлют. Будьте настороже, Джим, и глядите в оба. А уж я разделю с вами «это» поровну, клянусь честью!

Голос его сделался слабее, и, наконец, он умолк. Вскоре после этого я дал ему лекарство, и он принял его, точно ребенок, проговорив:

— Если когда-нибудь моряк желал лекарств, так это я!

Наконец он впал в тяжелый сон, похожий на обморок, в котором я и оставил его. Не знаю, что бы я сделал, если бы все обстояло благополучно; вероятно, я рассказал бы всю эту историю доктору, так как страшно боялся, что капитан раскается в своей откровенности и покончит со мной. Но обстоятельства сложились самым неожиданным образом: мой отец внезапно умер в этот вечер, и это заставило меня забыть о всем прочем. Наша печаль, посещения соседей, хлопоты по устройству похорон и не прекращавшаяся суэта в гостинице поглощали все мое время, так что я едва находил свободную минутку думать о капитане.

На следующее утро он спустился вниз и ел как и обыкновенно, хотя меньше, но зато пил ром, чего доброго, больше обыкновенного, так как сам наливал себе из бочонка, насвистывая при этом носом, и никто не осмелился помешать ему. В ночь накануне похорон он был так же пьян, как и прежде, и мороз пробегал по коже, когда в нашем печальном доме раздавалась его гнусная морская песня. Но хотя он был и слаб, мы все боялись его как огня, а доктора отозвали за несколько миль к больному, и он не бывал в наших местах после смерти отца. Я сказал, что капитан был слаб. Действительно, он точно становился все слабее

вместо того, чтобы крепнуть. Он с трудом карабкался по лестнице и бродил по комнате, подходя к прилавку, иногда даже высовывал нос в дверь, чтобы подышать морским воздухом, но при этом держался за стену, ища опоры, и дышал так тяжело, точно взобрался на гору. Он никогда не обращался ко мне с разговорами, и я думал, что он уже забыл о том, что говорил мне. Характер его теперь изменился и стал более беспокойным, насколько позволяла ему его слабость. У него появилась новая привычка, тревожившая нас, — вынимать кортик и класть его около себя на стол, когда он пил. Но, со всем тем, он оставил людей в покое и, казалось, был всецело погружен в свои мысли. Один раз, к нашему величайшему удивлению, он даже стал насвистывать какую-то любовную деревенскую песенку, которую он распевал, вероятно, еще в своей юности, раньше чем пустился в морское плавание.

В таком положении были дела, когда, день спустя после похорон, около трех часов пополудни я на минуту остановился в дверях, с грустью вспоминая о моем отце. День был морозный и туманный.

Вдруг я увидел человека, который медленно брел по дороге. Очевидно, он был слеп, так как ощупывал перед собой дорогу палкой, глаза и нос его закрывала зеленая ширмочка. Он горбился от

преклонного возраста или от слабости, и на нем был надет огромный ветхий морской плащ с капюшоном, совершенно скрывавший его фигуру. Я никогда в жизни не видал такого страшного на вид человека. Остановившись перед гостиницей, он произнес нараспев странным и монотонным голосом, обращаясь в пространство:

— Может, какая-нибудь добрая душа скажет несчастному слепому, потерявшему драгоценное зрение в храброй защите своей родины, Англии, где он теперь находится?

— Вы около «Адмирала Бенбоу», добрый человек, у залива Черного холма! — отвечал я.

— Я слышу голос, — сказал он, — молодой голос. Можете дать мне руку, мой добрый молодой друг, и ввести меня в дом?

Я протянул руку, и это ужасное, безглазое существо с таким мягким голосом ухватило ее, точно клещами. Я так испугался, что пробовал вырвать у него руку, но слепой крепко прижал ее к себе.

— А теперь, мальчик, — сказал он, — веди меня к капитану!

— Сэр, — ответил я, — честное слово, я не смею этого сделать!

— И все-таки сделаешь! — сказал он, насмешливо улыбаясь. — Ты поведешь меня прямо к нему, или я сломаю тебе руку!

С этими словами он так повернул мою руку, что я вскрикнул от боли.

— Сэр, — сказал я. — Ведь я ради вас же не хотел этого делать. Капитан теперь не такой, как был прежде. Он держит всегда около себя кортик наготове. Другой джентльмен...

— Ступай, ступай, — прервал он меня, и я никогда прежде не слышал такого жесткого, холодного и отвратительного голоса, как у этого слепого. Этот голос сильнее подействовал на меня, чем боль, и я послушно повел его прямо в общую комнату, где наш больной капитан сидел за столом, отуманенный ромом. Слепой сжимал мою руку в своем железном кулаке и опирался на меня всей своей тяжестью, так что я едва мог вести его.

— Веди меня прямо к нему, и когда он увидит меня, крикни: «Я привел вашего друга, Билль». Если не исполнишь этого, то я сделаю с тобой вот что.

И он до судороги сжал мою руку, так что я едва не лишился сознания. Я был так напуган слепым нищим, что забыл свой страх к капитану и, отворив дверь, дрожащим голосом произнес то, что было приказано мне. Бедный капитан вскинул глаза вверх, и в одну секунду хмель выскочил у него из головы и он отрезвился. Лицо его выражало не столько ужас, сколько смертельную боль. Он сделал движение, чтобы подняться, но у него не

хватило на это сил, по-видимому.

— Нет, Билль, оставайтесь сидеть на вашем месте! — проговорил нищий. — Если я не могу видеть, то зато могу слышать хруст пальцев! Уж что надо делать, то надо. Вытяните свою правую руку. Мальчик, возьми его руку и поднеси к моей правой руке!

Мы оба повиновались ему, и я видел, как он переложил что-то из руки, в которой держал палку, в ладонь капитана, который сейчас же сжал ее.

— Теперь дело сделано! — сказал слепой и с этими словами сразу выпустил мою руку и с невероятной быстротой исчез из комнаты. Издалека доносилось постукивание его палки, которой он нащупывал дорогу, а я все еще стоял неподвижно на одном месте.

Прошло несколько секунд, пока мы с капитаном пришли в себя, и я почувствовал, что все еще держу его руку.

— В десять часов! — вскричал капитан, заглянув в то, что было зажато в его ладони. — Остается шесть часов. Еще можно успеть!

И он вскочил на ноги, но сейчас же пошатнулся, схватился рукой за горло и, издав странный звук, упал всей тяжестью на пол, лицом вниз. Я бросился к нему, крича на помощь мать. Но торопиться было не к чему, капитан моментально умер от апоплексического удара. Странная вещь: я,

хотя никогда не любил этого человека и только жалел его последнее время, залился слезами, когда увидел, что он умер; это была вторая смерть, которую мне пришлось пережить в короткое время, и горе после первой было еще слишком свежо в моей памяти.

Глава IV

Морской сундук

Не теряя времени, я рассказал матери все, что знал и что, быть может, должен был бы рассказать гораздо раньше, и мы поняли, что попали в затруднительное и опасное положение. Деньги, если только они были у капитана, следовало по всей справедливости, получить нам, но не похоже было на то, чтобы товарищи капитана, два образчика которых я видел, пожелали расстаться со своей добычей ради того, чтобы отдать долги покойного. Скакать сейчас же за доктором Лайвесеем, как приказывал мне капитан, я тоже не мог, так как тогда моя мать осталась бы совсем одинокой и беззащитной, а об этом нечего было и думать. Мы не решались оставаться долее в своем доме: всякий ничтожный стук, как треск углей в печке или громкое тиканье часов, заставлял нас тревожно вздрагивать. Нам всюду чудились шаги, которые, казалось, приближались к нам. Тело

капитана, распростертое на полу, и мысль об отвратительном слепом нищем, который бродил где-то поблизости и мог вернуться назад каждую минуту, наводили на меня такой ужас, что волосы на голове становились дыбом. Надо было поскорее предпринять что-нибудь, и вот мы решили наконец отправиться вместе за помощью в соседнюю деревушку. Сказано — сделано. В одно мгновение очутились мы на улице и с непокрытыми головами побежали по морозу, когда начали уже сгущаться сумерки.

Деревушка была в нескольких сотнях ярдов расстояния от нас, хотя и не видна была из нашего дома и лежала на другом берегу залива, за утесами. Особенно ободряло меня то, что она находилась в направлении, совсем противоположном тому, откуда явился слепой нищий и куда он, по всей вероятности, и вернулся. Мы недолго были в дороге, хотя временами останавливались и прислушивались, но не слышно было ничего особенного, кроме тихого журчанья воды и карканья ворон в лесу.

В деревушке были зажжены уже огни, когда мы добрались до нее, и я никогда не забуду, как приятно и успокоительно подействовали на меня эти желтые огоньки, видневшиеся в окнах и дверях. Но этим приятным ощущением все дело и

ограничилось, так как ни одна душа во всей деревне не согласилась вернуться вместе с нами в «Адмирал Бенбоу». Чем больше говорили мы о наших волнениях и беспокойстве, тем сильнее льнули все эти люди — и мужчины, и женщины, и дети — к собственным домам. Имя капитана Флинта, как это ни казалось мне странным, было хорошо известно здесь и вселяло во всех ужас. Некоторые из мужчин, работавших на поле недалеко от «Адмирала Бенбоу», вспомнили, что видели нескольких незнакомых людей на дороге и приняли их за контрабандистов, так как они сейчас же скрылись из виду; кроме того, видели и маленькое судно в Логовище Китта, как мы называли это место. Одно упоминание о товарищах капитана пугало их поэтому до смерти. В конце концов, хотя нашлось несколько человек, готовых поехать к доктору Лайвесею, но никто не согласился помочь нам охранять нашу гостиницу. Говорят, что трусость заразительна, но верно и то, что трудности только усиливают мужество. Когда все отказались идти с нами, моя мать обратилась с несколькими словами к толпе. Она объявила, что не захочет лишиться денег своего сына-сироту.

— Если никто из вас не решается на это, то мы с Джимом пойдем одни! — сказала она. — Мы пойдем назад той же дорогой, как и пришли сюда, а вы можете оставаться здесь, жалкие, трусливые

люди с цыплячьими душонками! Мы откроем тот сундук, хотя бы это стоило нам жизни. Я бы попросила у вас этот мешок, мистрис Крослей, для наших денег, которые следуют нам по закону!

Конечно, я сказал, что пойду с матерью, и конечно, все загалдели и закричали, что это дурацкая храбрость с нашей стороны, и что не найдется желающих идти с нами. Все, чем они ограничились, — был заряженный пистолет, которым меня снабдили на случай нападения, и обещание иметь наготове оседланных лошадей, если бы нас стали преследовать на обратном пути. В то же время один парень собирался поехать в дом доктора за вооруженным подкреплением.

Сердце колотилось у меня в груди, когда мы возвращались в эту холодную ночь домой, рискуя подвергнуться страшной опасности. На небе стал подниматься полный месяц, краснея сквозь туман, и это обстоятельство еще увеличило нашу поспешность: очевидно, скоро должно было сделаться светло как днем, и наше возвращение не могло скрыться от глаз преследователей. Мы бесшумно пробирались вдоль плетней, хотя кругом не видно и не слышно было ничего подозрительного, что могло бы увеличить наш страх. Наконец, ж нашему величайшему облегчению, за нами закрылась дверь «Адмирала Бенбоу».

Прежде всего я задвинул засов у наружной двери, и мы на минуту остались в темноте, одни с телом капитана. Затем моя мать принесла свечку, и мы, держась за руки, вошли в чистую комнату. Покойник лежал в таком же положении, как мы оставили его, — на спине, с открытыми глазами и вытянутой одной рукой.

— Спусти шторы, Джим, — прошептала мать, — а то могут подсмотреть за нами с улицы. А теперь, — продолжала она, когда я спустил шторы, — нам надо достать ключ, но хотела бы я знать, кто решится дотронуться до него?

И она даже всхлипнула при этих словах.

Я опустился на колени. На полу, около руки капитана, лежала круглая бумажка, зачерненная с одной стороны. Я не сомневался, что это и была «черная метка», о которой говорил покойный. Взяв бумажку в руки, я увидел на одной стороне ее ясно и четко написанное: *«Сегодня в 10 часов»*.

— В 10 часов, — сказал я, и как раз в эту секунду начали бить наши старые стенные часы. Этот неожиданный звук заставил нас вздрогнуть. Но затем мы обрадовались, пробило только шесть часов.

— Теперь, Джим, — сказала мать, — надо отыскать ключ от сундука!

Я обшарил его карманы, один за другим. Несколько мелких монет, наперсток, нитки и

толстые иголки, сверток початого табаку, карманный компас, нож с искривленной ручкой, огниво — вот все, что я нашел в них, так что начал уже приходить в отчаяние.

— Может быть, у него на шее! — сказала мать.

Преодолев сильное отвращение, я разорвал ворот его рубашки. Действительно, кругом шеи, на просмоленной веревке, которую я разрезал его же ножом, висел ключ. Эта удача придала нам надежды, и мы поспешили наверх, в ту маленькую комнатку, где капитан так долго прожил, и где стоял с самого приезда его сундук.

Этот сундук по виду ничем не отличался от обыкновенного сундука, какие бывают у матросов. На крышке его была выжжена раскаленным железом буква Б, а углы потерлись и расщепились, точно от долгого употребления.

— Дай мне ключ! — сказала мать и, несмотря на тугой замок, повернула ключ и в одно мгновение откинула назад крышку сундука.

На нас пахнуло сильным запахом табака и дегтя. Сверху лежало платье, старательно вычищенное и сложенное. По словам матери, капитан, должно быть, никогда не надевал его. Под платьем лежала всякая смесь: тут был и квадрант, и обложки от табака, и две пары красивых пистолетов, старые испанские часы и разные

безделушки, имеющие цену только по воспоминаниям, была здесь также пара компасов, оправленных медью, и пять или шесть интересных вест-индских раковин.

Мы ничего не нашли ценного, кроме куса серебра и некоторых мелочей. Еще глубже лежал старый плащ, побелевший от соленой воды. Моя мать нетерпеливо отбросила его в сторону, и тогда перед нашими глазами открылись последние вещи в сундуке: сверток, завернутый в клеенку, и холщовый мешок, в котором, судя по звону, было золото.

— Я покажу этим негодьям, что я честная женщина! — сказала моя мать. — Я возьму только ту сумму, которую он был мне должен, ни фартинга более. Подержи-ка мешок, мальчуган!

И она начала отсчитывать деньги из одного мешка и класть их в другой, который я держал. Это была нелегкая работа и заняла она много времени, потому что тут были монеты всяких стран и разного вида — и дублоны, и луидоры, гиней и всякие другие, и притом все они были перемешаны одна с другой. Английских монет было всего меньше, а моя мать только по ним и умела считать. Когда мы были еще в разгаре этой работы, я вдруг схватил мою мать за руку — в тихом морозном воздухе пронесся звук; от которого у меня душа ушла в пятки; так как это было постукивание палки

слепого нищего, нащупывавшего дорогу. Звук этот слышался все яснее и отчетливее, видимо, приближаясь к нам, и мы сидели притаив дыхание. Затем раздался резкий стук в наружную дверь, и вслед за этим ручка двери задвигалась и засов затрещал, точно кто-то пробовал отворить его. Потом наступило долгое молчание. Наконец, снова послышалось постукивание палки по дороге и, — к нашей неопишуемой радости, — постепенно замерло вдали.

— Мать, — сказал я, — возьми все деньги!

Я был уверен, что наша дверь, заложённая засовом, вызовет подозрение и привлечет к нашему дому всю шайку этих негодяев. Но в то же время я был так счастлив, что мне пришло в голову задвинуть дверь засовом.

Однако моя мать, несмотря на весь свой испуг, не соглашалась взять ни больше, ни меньше того, что ей следовало получить за долг. Она говорила, что теперь еще нет семи часов, и что она успеет покончить с этим. Она еще спорила со мной, когда далеко от холма донесся тихий свист. Этого было достаточно для нас:

— Я возьму то, что успела отсчитать! — сказала мать, вскакивая на ноги.

— А я прихвачу еще это для ровного счета! — прибавил я, беря сверток в клеенке.

Через минуту мы были уже внизу, оставив

свечку около пустого сундука, а еще через мгновение открыли дверь и очутились на свободе. Нельзя было терять ни секунды. Туман быстро рассеивался, и на небе уже светил полный месяц; только около порога и двери была легкая тень, точно для того, чтобы скрыть- первые шаги нашего бегства. Вся дорога в деревню была залита ярким лунным светом. Но это было еще не все: до нашего слуха уже доносились звуки шагов, и когда мы взглянули по направлению их, то увидели толпу людей, быстро приближавшихся к нашему дому, один из них нес фонарь.

— Дорогой мой, — сказала вдруг моя мать, — бери деньги и беги. Я чувствую, что сейчас упаду в обморок!

Это было самое худшее, что только могло с нами случиться. Как я проклинал трусость соседей, как осуждал мать за ее честность, за ее прошлую безумную смелость и теперешнюю слабость!

Мы были у самого мостика через ручеек. Я помог матери спуститься с берега, но тут она потеряла сознание и упала на меня всей тяжестью. Не знаю, как хватило у меня сил поддержать ее, и боюсь, что это было сделано не слишком нежно, я протащил ее несколько шагов вниз по берегу и положил под арку моста. Дальше я не мог ее вести, потому что мост был слишком низок. И так остались мы здесь ждать на расстоянии голоса от

нашего постоянного двора.

Глава V

Смерть слепого

Любопытство, однако, оказалось сильнее страха, и я не в силах был оставаться в своем убежище. Я ползком добрался снова до края дороги, откуда, прячась за кустом, мог видеть пространство около нашего дома. Едва занял я свое место, как показалась толпа человек в семь или восемь, которые спешили к дому, тяжелые шаги их гулко отдавались в воздухе. Впереди шел человек с фонарем в руках. За ним трое бежали, держась за руки и, несмотря на туман, я разглядел, что средний из них был слепой нищий. Через секунду он заговорил, и я убедился, что был прав.

— Ломайте дверь! — кричал он.

Двое или трое бросились к дому. Затем наступила пауза. Нападающие тихо переговаривались между собой, точно пораженные тем, что дверь оказалась незапертой. Но пауза длилась недолго, и слепой снова стал отдавать приказания. Голос его звучал еще выше и громче, и в нем слышалось бешенство.

— В дом, в дом! — кричал он, сыпля проклятиями за промедление товарищей.

Четверо или пятеро человек послушались,

двое остались на дороге со слепым. Снова наступила пауза; затем раздался крик удивления и голос из дому:

— Билл мертв!

Слепой снова разразился бранью.

— Обыщите его, лентяи, а остальные пускай бегут наверх за сундуком! — кричал он.

Я слышал, как скрипели ступеньки нашей старой лестницы под их тяжелыми шагами, и, вероятно, дрожал весь дом. Вскоре раздались новые крики. Окно из комнаты капитана с треском отворилось, и послышался звон разбитого стекла. Один из негодяев высунулся до половины в окно, ярко освещенный месяцем, и обратился к слепому, стоявшему внизу на дороге:

— Пью, здесь уже побывали раньше нас — все вещи из сундука выворочены и брошены!

— Здесь ли «это»? — заревел Пью.

— Деньги здесь!

Слепой послал проклятие по адресу денег.

— Я говорю о свертке с бумагами Флинта! — вскричал он.

— Здесь нигде не видно его! — отвечал другой.

— Эй, вы там, внизу, на Билле он? — снова закричал слепой.

В дверях показался один из тех, которые оставались внизу обыскивать тело капитана.

— На Билле мы уже все осмотрели, — сказал он. — Ничего не оставлено!

— Это, наверное, дело рук хозяев таверны, это все тот мальчишка! Хотел бы я вырвать ему глаза! — кричал слепой Пью. — Ищите хорошенько, молодцы, и найдите их!

— Конечно, это они, вот здесь и свечку свою оставили! — отозвался тот, который стоял у окна.

— Шарьте везде и найдите их! Переверните все в доме вверх дном! — ревел Пью, стуча палкой в землю.

И вот в нашем постоялом дворе начали бесцеремонно хозяйничать три негодяя, перевертывая все вверх дном, шаря, швыряя и ломая мебель и все вещи; от тяжелого стука ног и хлопанья дверей проснулось даже эхо в соседних скалах. Наконец они, один за другим, вышли из дому на дорогу и объявили, что никого не могли найти. В это мгновение донесся такой же свист, как слышался и раньше, только теперь он повторился два раза. Прежде я думал, что это была труба слепого, которой он созывал своих товарищей для нападения, но, вероятно, это был сигнал с той стороны холмов, которая спускалась к деревушке, — сигнал для предупреждения разбойников об опасности.

— Это снова Дирк! — сказал кто-то. — И двойной сигнал! Надо нам убираться отсюда

восвояси!

— Убираться? Ах ты, мошенник! — кричал Пью. — Дирк — дурак и первый трус, не стоит обращать на него внимания. Они должны быть здесь, поблизости, — им не уйти далеко отсюда. Обшарьте хорошенько все уголки, собаки! О, проклятье! Если бы у меня только были глаза!

Это воззвание несколько подействовало, по-видимому, так как двое стали шарить около дома, но я думаю, что делали это не очень внимательно, так как у них, должно быть, было тревожно на сердце. Остальные стояли в нерешительности на дороге.

— Ведь вас ожидает тысячное богатство, дураки, а вы мямлите! Вы станете богаты, как короли, если найдете то, что ищете, и вы знаете, что это находится здесь, а между тем стоите тут, ничего не делая! Из вас никто не осмелился прийти к Биллю, а я сделал это — я, слепой! И теперь я потеряю свое счастье из-за вас! Я останусь несчастным нищим, когда мог бы разъезжать в карете.

— Да ведь деньги мы взяли, чего же тебе еще?! — проворчал один.

— Должно быть, они припрятали эту вещь! — заметил другой. — Возьми Джонни, Пью, и не ори тут!

Последние слова были каплей,

переполнившей чашу гнева слепого, и он, замахнувшись своей палкой, стал наносить ею удары направо и налево, так что несколькими сильно перепало. Те, в свою очередь, стали осыпать слепого проклятиями и угрозами, тщетно пытаясь вырвать у него из рук палку.

Эта ссора оказалась спасительной для нас, так как в разгар ее послышались новые звуки с вершины холма, где была деревушка, это был топот скакавших галопом лошадей. И почти в ту же секунду раздался выстрел из пистолета. Очевидно, это был сигнал, дававший знать о крайней опасности, так как разбойники бросились при его звуке врассыпную — кто по направлению к морю, кто наперерез через холм. Не прошло и полминуты, как их и след простыл, и на дороге остался один Пью. Уж не знаю, был ли тут причиной панический страх, или желание отомстить за брань и побои, но только они бросили слепого на произвол судьбы. Оставшись один, он пошел было за другими, нащупывая дорогу и взывая к товарищам, но потом взял неверное направление и пробежал в нескольких шагах от меня, отчаянно крича:

— Джонни, Черный Пес, Дирк, ведь вы не захотите бросить вашего старого Пью?! Не оставляйте старика Пью!

В это самое время топот лошадей раздался уже на вершине холма. В лунном свете показались

четверо или пятеро всадников, которые стали во весь опор спускаться под гору. Тогда Пью понял свою ошибку, с криком повернул назад, но наткнулся на канаву и свалился туда. В одну секунду он снова был на ногах и бросился, совершенно растерянный, прямо под лошадь переднего всадника.

Несмотря на усилия последнего удержать свою лошадь, Пью был моментально смят и раздавлен ею. Слепой перевернулся навзничь и остался неподвижен.

Я вскочил на ноги и окликнул всадников. Они остановились, испуганные случившимся. Я сейчас же узнал их. Сзади ехал тот парень, который отправился из деревушки к доктору Лайвесею, остальные принадлежали к отряду таможенных служащих, отправленному на контрабандистов и встреченному посланным, который и вернулся с ними назад. Слухи о каком-то подозрительном судне уже дошли до надзирателя Дэнса, отчего и был отправлен отряд, которому мы с матерью обязаны были нашим спасением.

Пью оказался убитым на месте. Что же касается моей матери, то от воды и нюхательной соли она скоро очнулась в деревушке, куда ее перенесли. Впрочем, оправившись от ужаса, она не переставала оплакивать потерю денег. Между тем таможенный надзиратель поспешил к Логовищу

Китта. Но люди его должны были спешиться с лошадой и вести их под уздцы, спускаясь по долине, в постоянном страхе, не ждет ли их где-нибудь засада. Неудивительно поэтому, что когда они подошли к Логовищу Китта, люгер уже отчалил от берега, хотя был еще и близко от него. Надзиратель окликнул отъезжавшее судно. В ответ раздался с судна голос, предупреждавший его отойти в тень, если он не хочет, чтобы ему всадили пулю в лоб. Действительно, в ту же секунду раздался выстрел, — и пуля просвистела около его плеча; люгер удвоил ход и скрылся из виду. По словам рассказывавшего об этом мистера Дэнса, он стоял на берегу «точно рыба, вынутая из воды», и все, что он мог сделать, — это послать человека на ближайшую пристань, чтобы предупредить катер.

— Но это, — говорил он, — было все равно, что ничего не делать, так как люгер, очевидно успел убраться вовремя. Единственно, что меня радует, — прибавлял он, — это то, что мне пришлось наступить на мозоли мистера Пью!

Говорил он это уже после того, как услышал от меня всю историю. Я вернулся вместе с ним в «Адмирал Бенбоу» и нашел там, как вы можете себе представить, страшный хаос. Все было перерыто и валялось на полу, в том числе и часы. В горячих поисках хозяев не пощадили ни одной вещи, и хотя ничего не было взято, кроме мешка с

деньгами капитана и серебра из выручки, я сейчас же понял, что мы были разорены.

— Они взяли деньги, вы говорите? — спросил мистер Дэнс. — Чего же они тогда доискивались, Гаукинс? Хотели еще больше денег?

— Нет сэр, не денег, я думаю! — отвечал я. — Собственно, я полагаю, сэр, что та вещь, которую они искали, находится у меня на груди, в кармане. И, если сказать правду, я бы хотел положить ее в безопасное место!

— Разумеется, мальчик! — сказал он. — Это совершенно правильно. Я возьму ее, если вам угодно!

— Я думал, что, может быть, доктор Лайвесей... — начал я.

— Совершенно верно! — прервал он меня. — Он — джентльмен и должностное лицо. И, — как теперь я думаю, я тоже должен поехать к нему, доложить о том, что произошло здесь, так как, что бы там ни было, но мистер Пью умер. Я, собственно, не сожалею об этом, но, видите ли, народ может обвинить в этом отряд его величества. И вот, если хотите, Гаукинс, я возьму вас с собой!

Я от души поблагодарил его за это предложение, и мы вернулись вместе в деревушку, где были оставлены лошади; пока я разговаривал с матерью о своих планах, отряд вскочил на лошадей.

— Доггер, — сказал мистер Дэнс, — у вас добрый конь, возьмите этого малого к себе в седло!

Как только я уселся позади Доггера и взялся за его пояс, инспектор дал приказ трогаться, и отряд поскакал рысью по дороге по направлению к дому доктора Лайвесея.

Глава VI

Бумаги капитана

Мы ехали все время без отдыха, пока не очутились перед жильем доктора Лайвесея. Весь фасад дома был совершенно темный.

Мистер Дэнс сказал, чтобы я соскочил с лошади и постучал в дверь, а Доггер подставил мне стремя, чтобы я спустился. Почти в ту же минуту служанка отворила дверь.

— Дома доктор Лайвесеи? — спросил я.

Служанка отвечала, что его нет дома: он вернулся после полудня домой, но потом опять ушел в замок, чтобы пообедать и провести вечер со сквайром.

— Так едем туда, мальчик! — сказал мистер Дэнс.

На этот раз я уже не влезал на лошадь, так как расстояние было очень небольшое, а бежал, держась за ременное стремя Доггера, до ворот парка, и затем по длинной безлистной аллее,

освещенной луной. В конце ее белыми линиями выступили очертания замка. Здесь мистер Дэнс слез с лошади и направился вместе со мной к дому. Служанка повела нас по крытой галерее и указала в конце ее на большую библиотеку, всю заставленную книжными шкафами с бюстами наверху. Здесь, около пылающего камина, сидели сквайр и доктор Лайвесей, с трубками в руках.

Я никогда не видел сквайра вблизи. Это был высокий человек, более шести футов росту, широкоплечий, с толстым, красноватым лицом, заглубившим и покрывшимся морщинками от долгих путешествий. У него были густые черные брови, очень подвижные, что заставляло предполагать не дурной, но живой и надменный характер.

— Входите, мистер Дэнс! — сказал он снисходительным и высокомерным тоном.

— Добрый вечер, Дэнс! — проговорил доктор, кивая головой. — Добрый вечер и тебе, друг Джим! Какой счастливый ветер занес вас сюда?

Надзиратель, вытянувшись в струнку, передал все случившееся, точно урок. Посмотрели бы вы, как оба джентльмена нагнулись вперед и переглядывались между собой и даже забыли курить, так они были поражены и заинтересованы! Когда они услышали про то, как моя мать вернулась

назад на постоянный двор, доктор Лайвесей хлопнул себя по колену, а сквайр закричал: «Браво!» и разбил свою длинную трубку о каминную решетку. Еще задолго до конца рассказа мистер Трелоней (так, если вы помните, звали сквайра) встал со стула и стал ходить взад и вперед по комнате, а доктор, точно для того, чтобы лучше слышать, снял свой напудренный парик и выглядел очень странно со своими собственными, коротко подстриженными черными волосами.

Наконец мистер Дэнс окончил повествование.

— Мистер Дэнс, — произнес сквайр, — вы благородный человек! Что же касается того, что вы переехали то страшное чудовище, то я смотрю на это, как на своего рода добродетель, сэр: все равно, как если бы раздавить ногой таракана. Этот Гаукинс, как я вижу, очень догадливый малый. Гаукинс, не позвоните ли вы в этот колокольчик? Мистеру Дэнсу надо предложить элю!

— Итак, Джим, — сказал доктор, — та вещь, которую они везде искали, у вас?

— Она здесь, сэр! — отвечал я, подавая ему сверток в клеенке.

Доктор оглядел сверток со всех сторон, сгорая, по-видимому, желанием вскрыть его; но вместо этого спокойно положил его в карман своего сюртука.

— Сквайр, — сказал он, — когда Дэнс

получит свой эль, он должен будет, конечно, вернуться к своим служебным обязанностям. Но Джима Гаукинса я думаю оставить ночевать в моем доме и, с вашего позволения, предлагаю дать ему холодного пирога на ужин!

— Как желаете, Лайвесей! — отвечал сквайр. — Гаукинс заслужил и большего, чем пирог!

Большой паштет из голубей был принесен и поставлен на маленький стол, и я чудесно поужинал, так как был голоден как волк. В это время мистер Дэнс после новых комплиментов был, наконец, отпущен,

— А теперь, сквайр? — произнес доктор.

— А теперь, Лайвесей?.. — проговорил сквайр в том же тоне.

— Ну, — сказал Лайвесей, — слышали вы об этом Флинте, я полагаю?

— Слышал ли я о нем! — вскричал сквайр. — Слышал ли о нем, говорите вы! Это был самый кровожадный из морских разбойников, какие только плавали по морю. Испанцы были так запуганы им, что, говорю вам, я иногда гордился тем, что он англичанин. Я собственными глазами, сэр, видел его паруса около Тринидада, и трусливый капитан, с которым я плавал, повернул назад, сэр!

— Хорошо, я сам слышал о нем в Англии! —

сказал доктор. — Но дело в том, были ли у него деньги?

— Деньги! — вскричал сквайр. — Разве вы не слышали сегодняшней истории? Чего же искали эти негодяи, как не денег? Ради чего готовы они рисковать своей шкурой, как не ради денег?

— Это мы сейчас узнаем! — отвечал доктор. — Но вы такая горячая голова и так забросали меня словами, что я не могу вставить ни одного своего. Вот что хотел бы я знать: предположим, что у меня тут, в кармане, ключ от запрятанного Флинтотом сокровища; станет ли оно нам от этого доступнее?

— Станет ли доступнее! — вскричал сквайр. — Да если только мы будем иметь этот ключ, про который вы говорите, я снаряжаю из Бристоля корабль, беру с собой вас и Гаукинса и уж добуду эти сокровища, хотя бы пришлось искать целый год!

— Отлично! — сказал доктор. — В таком случае, если только Джим ничего не имеет против, мы вскроем пакет!

И он положил его перед собой на стол. Сверток был зашит нитками, так что доктору пришлось прибегнуть к своему ящику с инструментами, чтобы разрезать хирургическим ножичком стежки. В свертке оказались книга и запечатанная бумага.

— Прежде всего посмотрим книгу! — предложил доктор.

Сквайр и я наклонились над его плечом, в то время как он раскрывал книгу. Доктор Лайвесей еще раньше приветливо подозвал меня из-за столика у стены, где я ужинал, к себе, чтобы принять участие в открытии тайны. На первой странице были всевозможные надписи, отдельные слова, точно кто-нибудь пробовал перо и упражнялся в письме. Здесь, между прочим, было, как и на руке, — *«Мечта Билли Бонса»*. Затем можно было прочесть: *«Мистер Б. Бонс, штурман»*. — *«Не надо больше рому»*. — *«Он получил это на высоте Пальми Ки»*. Было много и других изречений, частью непонятных.

Я напрасно ломал себе голову, чтобы догадаться, кто это был «он», и что такое «это» он получил. Может быть, удар ножом в спину?

— Не скажу, чтобы здесь было много разъяснений! — проговорил доктор Лайвесей, перевертывая эту страницу. Следующие десять или двенадцать страниц наполнены были любопытными столбцами записей. В начале строчки стояло число, а в конце — денежный итог, как и во всякой счетной книге, но в промежутке, вместо объяснения, стояло только различное число крестиков. Так, например, 12 июня 1745 года было помечено 70 фунтов, происхождение которых

объяснялось только шестью крестиками. Иногда, впрочем, стояло и название места, или обозначение широты и долготы его, так, например 62R 17'20» и 19R2'40». Такой реестр тянулся более чем за двадцать лет, сумма отдельных столбцов все росла с течением времени и выросла в конце концов в огромный общий итог, переправленный раз пять или шесть. Внизу было написано: «Клад Бонса».

— Не могу разобраться в этом! — сказал Лайвесей.

— А между тем это ясно, как Божий день! — вскричал сквайр. — Это счетная книга. Крестики заменяют имена кораблей или городов, которые они потопили или ограбили. Выставленные суммы обозначают долю этого негодяя, а где он боялся неясности, там прибавлял подробное название, как здесь, например: тут обозначен берег, около которого погибло, очевидно, судно со всем экипажем.

— Это верно, — заметил доктор. — Вот что значит быть путешественником! Совершенно верно! И суммы все растут, вы видите, по мере того, как он поднимался в гору!

Около некоторых названий местностей стояли выноски, а в конце книги таблица перевода французских, английских и испанских денег в ходячую монету.

— Этот человек был не промах! — вскричал

доктор. — Вот кого нельзя было, вероятно, надуть!

— А теперь примемся за бумагу! — сказал сквайр.

Бумага была запечатана в нескольких местах с помощью наперстка, игравшего роль печати, — быть может, того самого, который я нашел в кармане у капитана. Доктор с величайшей осторожностью вскрыл печати, и из бумаги выпала карта острова с обозначениями широты и долготы места, глубины моря, с названиями мысов, бухт, заливов, вообще здесь было все, что только могло понадобиться кораблю, который бы захотел попасть на берега этого острова. Он был около девяти миль в длину и пяти в ширину и походил по форме на толстого дракона. На острове были две прекрасные гавани и гора посередине, обозначенная именем «Подзорной трубы». На карте были различные добавления, внесенные позже. Но больше всего бросались в глаза три крестика, сделанные красными чернилами, — два на севере и один на юго-западе острова, и около последнего мелким, четким почерком, сильно отличавшимся от нетвердой руки капитана, была надпись: *«Главная часть клада»*.

На оборотной стороне той же рукой было написано:

«Высокое дерево на гребне

«Подзорной трубы», на нем метка к С от ССВ.

*Остров Скелета ВЮВ через В.
Десять футов.*

Серебро в слитках в северной яме. Его можно найти, следуя по восточной лесной заросли десять сажен к югу от черной скалы.

Оружие легко найти в песчаном холме, пункт С на северном мысе, у пролива, направление на В и отчасти к С.

Д. Ф.».

Это было все. Но, несмотря на свою краткость и туманность, как мне показалось, это привело сквайра и доктора Лайвесейя в восторг.

— Лайвесей, — сказал сквайр, — вы сейчас же передадите вашу несчастную практику. Завтра я еду в Бристоль. Через три недели, или две недели, или десять дней, у нас будет самый лучший корабль, сэр, и лучшая команда в Англии, Гаукинс отправится в качестве юнги. Вы сделаетесь знаменитым юнгой, Гаукинс! Вы, Лайвесей, будете доктором на судне, а я буду адмиралом. Мы возьмем Редрута, Джойса и Гунтера. При благоприятном ветре мы живо будем подвигаться вперед и без труда отыщем то, что нам надо; тогда у нас будут деньги не только для пропитания, но и

для того, чтобы сорить ими, сколько угодно!

— Трелоней, — сказал доктор, — я поеду с вами. Но есть один человек, который внушает мне опасение!

— Кто же это такой? — вскричал сквайр. — Назовите мне эту собаку, сэр!

— Этот человек — вы, — отвечал доктор, — так как вы не умеете держать язык за зубами. Мы не одни знаем об этой бумаге. Те молодцы, которые делали сегодня нападение на постоялый двор, очевидно, отчаянные и нахальные негодяи, а также и те, которые оставались на люгере, все они так или иначе имеют отношение к этим деньгам. Поэтому никто из нас не должен показываться на улице в одиночку, пока мы не будем на море. Джим и я — мы будем держаться вместе, а вы возьмете Джойса и Гунтера, когда отправитесь в Бристоль. И, самое главное, ни один из нас не должен промолвить ни словечка о нашей находке!

— Лайвесей, — сказал сквайр, — вы всегда правы. Я буду нем как могила!

Часть вторая

Судовой повар

Глава VII

Я еду в Бристоль

Прошло больше времени, чем предполагал сквайр, прежде чем могло состояться наше путешествие. Кроме того, план доктора относительно того, чтобы я ехал вместе с ним, не удался: он должен был ехать в Лондон искать себе заместителя, которому бы мог передать свою медицинскую практику. У сквайра было много дела в Бристоле, и я был оставлен в замке на попечение старика Редрута, доезжачего. Я жил настоящим отшельником, только и бредил о море, морских приключениях и загадочных островах, полных таинственной прелести. Целыми часами просиживал я, наклонившись над картой, которую скоро изучил во всех подробностях. Сидя около огня в комнате экономки, я мысленно представлял себе, что подплываю к острову; в моем воображении я исследовал каждый акр его земли, влезал тысячу раз на ту высокую гору, которая называлась «Подзорной трубой», и любовался с ее вершины все новыми, чудесными видами. Иногда на нас нападали дикари, от которых мы должны были отбиваться, или нас преследовали дикие звери. Но, как я увидел после, все эти воображаемые опасности и приключения были пустяками в сравнении с тем, что на самом деле случилось с нами на этом острове.

Так проходила одна неделя за другой, пока в

один прекрасный день не пришло письмо, адресованное на имя доктора Лайвесей. Внизу на конверте стояло:

*«В случае его отсутствия
может быть вскрыто Томом
Редрутом или молодым Гаукинсом».*

Распечатав конверт, мы прочли (или вернее, я прочел, так как доезжачий умел разбирать только печатные буквы) следующие важные новости:

*«Гостиница «Старого Якоря»,
Бристоль,*

1-го марта 17...

*Дорогой Лайвесей, не зная, где
вы теперь находитесь, — в замке
или еще в Лондоне — я пишу
одновременно в оба эти места.
Корабль приобретен, снаряжен и
стоит на якоре, готовый к
отплытию. Нельзя и представить
себе более прелестного судна,
управлять им мог бы ребенок.
Вместимость — 200 тонн, имя
«Испаньола». Я купил его через моего
старинного друга Блэндли,
который выказал при этом
посредничестве свою удивительную
изобретательность и ловкость. Он*

работал буквально как вол, действуя только в моих интересах, как, впрочем, делают в Бристоле все, кто только узнает о цели нашего плавания и о том кладе, который мы собираемся отыскивать».

— Редрут, — сказал я, прерывая чтение, — а ведь доктору Лайвесею не понравится то, что сквайр болтает везде об этом кладе!

— А почему бы ему и не болтать? — проворчал доезжачий. — Как знать, кто из них поступает лучше?

После этого замечания я стал читать уже без остановок:

«Блэндли сам разыскал «Испаньолу» и сосватал ее мне за чистейший пустяк. Но в Бристоле многие предубеждены почему-то против Блэндли, уверяют даже, будто этот честнейший мальчик сделал все это из-за корысти и перепродал мне принадлежавшую ему «Испаньолу» за страшно высокую цену. Но это уж слишком очевидная клевета. Все эти слухи не могут, конечно, умалить достоинств корабля. Остальное все идет как следует. Правда, рабочие на судне

делали свое дело очень медленно, но теперь все это уже кончено. Что меня беспокоило — так это набор экипажа. Я хотел, чтобы было не меньше двадцати человек наслучай дикарей, разбойников, проклятых французов. С невероятным трудом удалось мне, наконец, набрать полдюжины, но затем милостивая судьба послала мне как раз такого человека, которого мне было надо. Нас свел с ним чистый случай: разговорившись с ним как-то на доках, я узнал, что он старый моряк, держит гостиницу для матросов и знает их всех до одного в Бристолле. Он сказал мне также, что здоровье его стало плохо с тех пор, как он живет на берегу, и что он желал бы отправиться в плавание в качестве корабельного повара; на док он пришел для того только, чтобы подышать морским соленым воздухом. Я был тронут его рассказом — это, наверное, подействовало бы точно так же и на вас, — и тут же из сострадания нанял его к нам на судно поваром. Его зовут Долговязым Джоном Сильвером, и у него нет одной ноги,

но последнее может служить ему только прекрасной рекомендацией, так как он потерял ногу, сражаясь за родину под начальством знаменитого Гока. И он не получает пенсии, Лайвесей! Представить себе только, какое ужасное время мы переживаем! Судьба, видимо, благоприятствовала мне: найдя повара, я тем самым обеспечил себя и весь экипаж, так как мы с Сильвером шутя набрали в несколько дней целую компанию истинных матросов, правда, не очень-то привлекательных на вид, но зато отчаянных смельчаков, так что нам нечего бояться никаких нападений. Джон посоветовал мне даже отпустить двух из тех шести матросов, которых я набрал раньше: он моментально доказал мне, что они не годятся для моря и будут только тормозить дело. Я чувствую себя прекрасно, ем за четверых, сплю как убитый, но все же не могу дожидаться той минуты, когда буду в море. Скорее бы отплыть! Я только и брежу морем и морскими приключениями! Не мешкайте, Лайвесей, не теряйте ни одного часа,

если вам дорого мое спокойствие! Отпустите молодого Гаукинса повидаться с его матерью, пускай Редрут сопровождает его. А затем приезжайте немедля в Бристоль.

Джон Трелоней.

P.S. Я еще не сказал вам, что Блэндли (кстати, он собирается отправить вслед за нами судно, если мы не вернемся к концу августа) нашел отличного боцмана — правда, несколько несговорчивого, о чем я очень сожалею, но в остальных отношениях настоящий клад. А Джон Сильвер рекомендовал знающего штурмана по имени Арро. Наконец, у меня есть еще боцман, который играет на рожке. Итак, на нашей «Испаньоле» все будет как на военном судне. Я забыл сказать вам, что Сильвер — человек со средствами: я узнал, что у него текущий счет в банке. Жена его остается хозяйничать в гостинице; она не белой расы, так что нам с вами ясно, что не одно здоровье побуждает Сильвера пускаться в морское путешествие.

P.S. Гаукинс может остаться на одну ночь у своей матери.

Можете себе представить, в какое волнение я пришел после этого письма. Я совсем потерял голову от радости. Если я кого-нибудь ненавидел в моей жизни, так это старого Тома Редрута, который только и умел ворчать и жаловаться на судьбу. Многие из помощников его охотно поменялись бы с ним ролями, но желание сквайра было для всех законом, а сквайр хотел, чтобы меня сопровождал Редрут. Никому другому не позволялось ворчать постоянно, кроме Редрута.

На следующее утро мы отправились с ним в «Адмирал Бенбоу». Я нашел свою мать здоровой и довольной: со смертью капитана кончились ее заботы и неприятности, которые он так долго причинял ей. Сквайр велел исправить в доме все изъяны, выкрасить заново комнаты и вывеску и прибавить кое-что из мебели; в буфетной, между прочим, появилось прекрасное кресло, в котором могла отдыхать моя мать. Он отыскал и мальчика, который бы мог помогать ей в мое отсутствие. При виде последнего я в первый раз понял мое положение: до сих пор я думал только о тех приключениях, какие ожидали меня впереди, и совсем забыл про свой дом, который должен был оставить надолго. Но когда я увидел этого чужого мальчика, который должен был заменить мое место

около матери, я в первый раз залился слезами. Боюсь, что он обязан мне тяжелыми минутами своей жизни: я видел промахи, которые он делал по неопытности, и имел тысячу случаев наставить его на путь истины, но не пользовался ими.

Прошла ночь, и на следующий день в послеобеденное время мы с Редрутом уже снова отправились в путь. Я попрощался с матерью и с заливом, на берегу которого жил с самого рождения, и с милой старой гостиницей «Адмирал Бенбоу», которая стала мне немного чуждой с тех пор, как ее выкрасили в новую краску. Вспомнился мне и капитан, как он разгуливал по берегу в своей шляпе набекрень, со шрамом на щеке и старой медной подзорной трубой. Но через минуту мы свернули за угол, и мой дом скрылся из виду.

Под вечер мы сели в почтовую карету. Меня втиснули между Редрутом и каким-то толстым старым джентльменом, и я, несмотря на быструю езду и холодный ночной воздух, проспал как барсук все станции. Когда я, наконец, проснулся от сильного толчка и открыл глаза, то увидел, что почтовая карета стоит перед большим домом на городской улице и что уже давно рассвело.

— Куда мы приехали? — спросил я.

— В Бристоль, — сказал Том. — Надо слезать!

Мистер Трелоней остановился в гостинице

около доков, чтобы наблюдать за работами на его судне. Поэтому нам пришлось сделать пешком порядочный путь, но дорога, к моему величайшему удовольствию, шла по набережной, мимо массы всевозможных кораблей всех стран. На одном судне матросы пели за работой, на другом раскачивались высоко над моей головой на канатах, которые казались издали не толще паутинки. Хотя я всю жизнь провел на берегу моря, но мне казалось, точно теперь я вижу море в первый раз. В соленом воздухе стоял запах дегтя. Кругом виднелись старые матросы, побывавшие в разных морях; в ушах у них были серьги, и они прогуливались особой походкой, хвастливо раскачиваясь на ходу. Я так восхищался их видом, точно это были какие-нибудь принцы чистой крови. И мне предстояло самому пуститься в море на шхуне, с боцманом, который играл на рожке, и с матросами; затем отправиться на таинственный остров, чтобы отыскать погребенные в нем сокровища!

Я еще весь был погружен в эти сладостные мечты, когда мы очутились перед большой гостиницей и встретились лицом к лицу со сквайром Трелонеем, одетым в широкое синее платье морского офицера. Он выходил из двери с улыбкой на лице и раскачивался из стороны в сторону, подражая походке матросов.

— А, это вы! — вскричал он. — Доктор уже приехал сюда прошлой ночью прямо из Лондона. Ура! Теперь вся корабельная компания в сборе!

— О, сэр, — вскричал я, — когда же мы выезжаем?

— Завтра мы отправимся в путь! — сказал он.

Глава VIII

Под вывеской «Подзорная труба»

Когда я покончил с завтраком, сквайр дал мне письмо к Джону Сильверу, в гостиницу «Подзорная труба». Он сказал, что я легко найду ее, если буду все время держаться доков. Я с радостью взялся исполнить это поручение, так как это был новый случай поглядеть на корабли и матросов, и пробирался сквозь толпу народа, толкавшегося на доках, пока не увидел таверну с медной подзорной трубой вместо вывески. В большой низкой комнате, в которую я вошел, было довольно светло, несмотря на клубы табачного дыма, так как две двери, выходящие в разные стороны, были отворены настежь. На окнах висели чистые красные занавесочки, а пол был усыпан свежим песком. Посетители были по большей части матросы и так громко говорили все разом, что я испуганно остановился в дверях, не решаясь войти. В это время из боковой комнаты вышел человек, в

котором я сейчас же узнал Долговязого Джона. Вся левая нога его была отнята, и под левой рукой был костыль, которым он управлял с удивительной ловкостью, подпрыгивая на ходу, точно птица. Он был высок ростом и широкоплеч, с лицом, большим, как окорок ветчины, и с маленькими сверкающими глазами, похожими на осколки стекла. Казалось, он находился в самом веселом настроении духа и насвистывал, передвигаясь между столами и похлопывая по плечу или перекидываясь веселым словечком с теми из посетителей, которые пользовались особенным его расположением. Правду сказать, когда я прочел в письме сквайра Трелонея о Длинном Джоне, у меня мелькнула в голове мысль, не тот ли это матрос с одной ногой, которого я так долго ждал в «Адмирале Бенбоу». Но первый же взгляд на этого человека рассеял все мои опасения. Судя по капитану, Черному Псу и слепому Пью, я думал, что уже составил себе понятие о том, как должен выглядеть морской разбойник, а приятное и веселое лицо трактирщика совсем не походило на этот тип людей.

Я набрался наконец храбрости и, перейдя через всю комнату, прямо подошел к нему.

— Вы мистер Сильвер, сэръ? — спросил я, протягивая ему письмо.

— Да, мальчик, — отвечал он, — так меня

зовут, это правда. А вы кто же такой?

Но, увидев письмо от сквайра, он переменял тон.

— О, — вскричал он громко, протягивая мне руку, — вы — наш новый юнга. Очень рад вас видеть!

И он взял мою руку в свою огромную ладонь.

В ту же секунду один из посетителей таверны, сидевший в противоположном конце комнаты, моментально вскочил и бросился к двери. Быстрота, с которой он исчез на улицу, привлекла к нему мое внимание, и я тотчас же узнал его: это был тот человек с болезненным цветом лица и без двух пальцев на руке, который приходил в «Адмирала Бенбоу».

— О, — вскричал я, — остановите его! Это — Черный Пес!

— Мне все равно, кто бы он ни был, — сказал Сильвер, — но он не заплатил мне что следует. Гарри, беги за ним вдогонку!

Один из сидевших ближе к двери встал и бросился за беглецом.

— Будь он сам адмирал Гок, и тогда я спросил бы с него деньги! — кричал Сильвер.

— Как его зовут, вы сказали? — спросил он, беря меня за руку. — Черный?..

— Черный Пес, сэр, — отвечал я. — Разве мистер Трелоней не говорил вам про пиратов? Это

один из них!

— В самом деле? — вскричал Сильвер. — И в моем доме! Бен, беги и помоги Гарри догнать его. Так это один из этих негодяев? Что вы там пили с ним, Морган? Подойдите-ка сюда!

Человек, которого он назвал Морганом, высокий седой матрос с лицом точно из красного дерева, подошел ближе характерной морской походкой, пережевывая свой табак.

— Ну, Морган, — сказал Сильвер строго, — видали вы когда-нибудь прежде этого Черного... Черного Пса?

— Никогда, сэр! — отвечал Морган, кланяясь.

— Знали вы, как его зовут?

— Нет, сэр!

— И это ваше счастье, Том Морган! — воскликнул хозяин. — Если бы вы знали с подобными людьми, ваша нога не была бы в моем доме, можете быть уверены в этом. А что он говорил вам?

— Не знаю хорошенько, сэр! — отвечал Морган.

— И вы можете называть после этого головой то, что у вас сидит на плечах? — кричал Джон. — Не знаете хорошенько! Может, вы лучше знаете, о чем вы с ним толковали? Ну-ка, выкладывайте живее, о чем он вам болтал — о путешествиях, кораблях?

— Мы говорили о тяге снастей! — отвечал Морган.

— О тяге снастей? Подходящее для вас занятие. Ну, отправляйся на свое место, Том!

Когда Морган вернулся к своему столу, Сильвер откровенно шепнул мне, что показалось мне очень лестным.

— Честнейший малый этот Том Морган, хотя страшно глуп! А теперь, — продолжал он громко, — я хочу припомнить, кто такой этот Черный Пес! Нет, имя его мне незнакомо, хотя я видал его. Да, еще он обыкновенно приходил со слепым нищим.

— Тогда это наверное он! — сказал я. — И я знал этого слепого. Его звали Пью!

— Он самый! — возбужденно вскричал Сильвер. — Имя его было Пью. О, он выглядел чистым мошенником! Если бы нам удалось поймать этого Черного Пса, то это были бы славные новости для Трелонея! Бен отлично бегает: мало кто из матросов может сравняться с ним в быстроте ног. Он наверное догонит его.

Говоря это, он все время перебегал на своем костыле из одного конца комнаты на другой, стучал рукой по столу и выказывал сильнейшее возбуждение. Но мои старые подозрения снова проснулись после того, как я нашел Черного Пса в таверне «Подзорной трубы», и я стал внимательно

приглядываться к нашему будущему повару. Однако он был слишком непроницаем и хитер для меня.

Тем временем вернулись те двое, которые посланы были вдогонку за беглецом, и, запыхавшись, доложили, что потеряли его из виду в толпе народа.

— Нелегко это для меня, Гаукинс, — сказал Длинный Джон таким тоном, что я готов был бы поручиться за его невинность, — что подумает обо мне капитан Трелоней? Этот проклятый мошенник сидел тут, в моей таверне, пил мой ром! И я дал ему улизнуть от нас! Придется вам оправдывать меня в глазах Трелоней. Хотя вы и мальчик, Гаукинс, но стойте взрослого!

Вдруг он остановился и потом вскрикнул, точно только теперь вспомнив что-то:

— А деньги-то! Три кружки рому! Ах, черт возьми, как он ловко это сделал! Славную штуку сыграл он со мной!

И, упав на скамью, он принялся неудержимо хохотать, пока из глаз его не полились слезы. Это было так заразительно, что и я тоже захохотал вместе с ним.

— Вот каким теленком оказался я, старый моряк! — проговорил он наконец, вытирая глаза. — А теперь, Гаукинс, идемте отсюда! Что сделано, того не воротишь! Я только надену свою

шляпу, и мы отправимся к капитану Трелонею, чтобы донести ему о случившемся. Ведь это очень важно, Гаукинс, и никогда не надо терять своего, как бы мало оно ни было. Славно надул он меня!

И он снова начал хохотать, и так искренно, что я не мог не вторить ему.

Пока мы шли с ним по набережной, он рассказывал мне про разные корабли, мимо которых мы проходили, говорил, во сколько они тонн, какой стране принадлежат; объяснял работы, которые производились на судах — как одно судно разгружалось, другое нагружалось, третье готовилось уже к отплытию в море. В свои рассказы и пояснения он вставлял местами анекдоты из морской жизни или несколько раз повторял морские выражения и словечки, так что я легко запомнил их. Словом, я мог вполне оценить его как прекрасного корабельного товарища.

Когда мы прошли в гостиницу, сквайр и доктор Лайвесей сидели за столом, оканчивая кварту эля и заедая его поджаренными ломтиками хлеба, прежде чем отправиться осматривать шхуну. Долговязый Джон рассказал о случившемся в таверне очень толково и нисколько не исказив истины.

— Так ведь это было, Гаукинс, не правда ли? — спрашивал он меня то и дело, и я всегда подтверждал его слова. Оба джентльмена очень

сожалели, что Черный Пес успел скрыться, но мы все были того мнения, что этому горю нельзя было помочь, и Джон, взяв свой костыль, отправился, наконец, к себе.

— Весь экипаж должен быть завтра к четырем часам пополудни на судне! — крикнул ему вслед сквайр.

— Будет исполнено, сэр! — ответил повар.

— Откровенно говоря, сквайр, — сказал доктор, — я многого не одобряю в ваших находках, но должен сознаться, что Джон Сильвер мне нравится!

— Это — чудесный малый! — заметил сквайр.

— А теперь, — сказал доктор, — может быть, Джим отправится вместе с нами на шхуну, не правда ли?

— Разумеется, — отвечал сквайр. — Бери свою шляпу, Гаукинс, и идемте смотреть наш корабль!

Глава IX

Порох и оружие

«Испаньола» стояла недалеко от берега, и мы скоро добрались до нее в лодке, лавируя между судами, канаты которых скрипели по временам под нашим рулем или раскачивались над нашими

головами. Нас встретил штурман, мистер Арро, загорелый старый моряк, с косыми глазами и серьгами в ушах. Между ним и сквайром были, очевидно, близкие и дружеские отношения. Далеко не так благополучно обстояли дела капитана, как я скоро убедился. Последний обладал проницательным взглядом и, казалось, был раздражен всем на корабле. Причину этого мы скоро узнали, так как, едва вошли мы в каюту, явился туда матрос и сказал:

— Сэр, капитан Смоллет желает говорить с вами!

— Я всегда готов его слушать. Введи его сюда! — сказал сквайр.

Капитан вошел вслед за матросом и плотно запер за собой дверь.

— Ну, капитан Смоллет, что вы хотите сказать мне? Надеюсь, что все обстоит благополучно на шхуне?

— Я полагаю, сэр, — сказал капитан, — что всегда лучше говорить откровенно, даже рискуя обидеть другого. Мне не по душе ваша экспедиция и не нравятся матросы, а также мой помощник!

— Может быть, сэр, вам не нравится и шхуна? — раздраженно спросил сквайр.

— Я не могу судить о ней раньше, чем увижу ее в плавании! — спокойно ответил капитан. — По-видимому, она недурно сделана, вот все, что я

могу сказать о ней!

— Возможно, сэръ, что вы не одобряете и самого хозяина шхуны? — осведомился сквайръ.

Но тут вмешался уже доктор.

— Довольно! — сказал он. — Не надо затрагивать вопросов, которые оставляют после себя только чувство горечи. Капитан и то уже сказал слишком много, или же, напротив, слишком мало, и я имею право попросить у него объяснения... Вы говорите, что вам не нравится наша экспедиция, могу я узнать, почему?

— Меня приглашали, сэръ, вести шхуну туда, куда прикажет этот джентльмен, и не называли цели путешествия! — отвечал капитан. — Прекрасно! Теперь же я вижу, что последний матрос на судне знает в этом отношении больше моего. Находите ли вы такой поступок красивым по отношению ко мне?

— Конечно, нет! — заметил доктор Лайвесей.

— Я узнаю, — продолжал капитан судна, — что мы отправляемся искать клад, узнаю это, заметьте, от своих подчиненных. Такого рода путешествия вообще не по моей части, и я не чувствую к ним склонности. Но особенно не по душе мне то, что об этом болтают все, даже попугай!

— Попугай Сильвера? — спросил сквайръ.

— Да! — сказал капитан. — И я полагаю, что

вы не подозреваете многого из того, что вас окружает. Я обязан предупредить вас, что вы рискуете своей жизнью, пускаясь в такое плавание!

— Совершенно верно! — заметил доктор Лайвесей. — И, уверяю вас, что мы и сами знаем о том риске которому подвергаем себя. Вы сказали, кроме того, что вам не нравится набранный экипаж. Разве матросы оказались так уж плохи?

— Они не нравятся мне! — сказал капитан. — И, уж если говорить все начистоту, я полагаю, что набор экипажа следовало бы предоставить мне!

— Может быть, вы и правы! — согласился доктор. — Моему товарищу следовало бы спросить в этом деле и вашего совета. Но, во всяком случае, тут не было намеренного пренебрежения к вам. Кроме того, вы не одобряете и мистера Арро?

— Совершенно верно, сэр! Я убежден, что он хороший моряк, но он слишком свободно держит себя с командой, чтобы быть хорошим штурманом. Штурман не должен пить вместе со своими подчиненными!

— Разве вы полагаете, что он пьет? — вскричал сквайр.

— Нет, сэр! — ответил капитан. — Я говорю только, что он слишком фамильярен с матросами!

— Какие же выводы хотите вы сделать из всего этого, капитан? — спросил доктор. — Изложите нам все, чего вы желаете?

— Хорошо, джентльмены! Окончательно вы решили отправиться в вашу экскурсию?

— Мы решили это бесповоротно! — ответил сквайр.

— Прекрасно! — продолжал капитан. — В таком случае, если уж вы имели терпение слушать до сих пор мои слова, которых я не мог не сказать, то выслушайте меня и дальше. Вы поместили порох и оружие в носовую часть судна, а между тем есть прекрасное место для этого под каютой. Почему бы не положить их туда? Это первый пункт. Затем, у вас есть четверо матросов, которых вы знаете уже давно, и вы хотите поселить их вместе с прочими в переднюю часть шхуны, почему не устроить их около каюты? Это — второй пункт!

— Есть у вас еще и другие пункты? — осведомился мистер Трелоней.

— Еще только один, — сказал капитан. — Здесь очень много болтают обо всем!

— Даже слишком много! — согласился доктор.

— Я расскажу вам о том, что слышал собственными ушами! — продолжал капитан. — Говорят, что у вас имеется карта какого-то острова, и что на ней крестиками обозначено место клада, и что остров этот лежит...

Тут он точно указал широту и долготу острова.

— Я не говорил об этом ни одной живой душе! — вскричал сквайр.

— Люди экипажа знают об этом, сэр! — сказал капитан.

— Лайвесей, это, наверное, вы разболтали об этом, или Гаукинс! — закричал сквайр.

— Не в том дело, кто б мог открыть эту тайну! — сказал доктор.

Я видел, что ни доктор, ни капитан не придадут большого значения уверениям сквайра, будто он не говорил об острове — он был известный болтун. Но, несмотря на это, мне казалось, что сквайр на этот раз был прав, и что никто из нас не говорил о том, где находится остров.

— Хорошо, джентльмены, — продолжал капитан, — во всяком случае, я требую, чтобы официально не говорили об этой карте ни мне, ни мистеру Арро. В противном случае я вынужден буду просить об увольнении меня от должности!

— Я вижу, — заметил доктор, — что вы желаете поместить в кормовой части судна слуг моего друга и снабдить их оружием. Другими словами, вы опасаетесь бунта матросов!

— Сэр, — начал капитан Смоллет, — прошу извинения, но я не желаю, чтобы моим словам придавали неверный смысл. Тот капитан, сэр, который отправляется в плавание, не приняв всех

мер предосторожности, не заслуживает оправдания. Что касается до мистера Арро, то я считаю его безусловно честным человеком, то же самое я могу сказать и про некоторых из команды. Но я отвечаю за безопасность судна и за жизнь каждого человека на нем. Я вижу, с другой стороны, что дела обстоят не так хорошо, как бы должно, и прошу вас принять некоторые меры предосторожности. Это все, чего я добиваюсь!

— Капитан Смоллет, — начал доктор с улыбкой, — слышали вы басню о горе, которая родила мышь? Простите мою смелость, но вы напомнили мне эту басню. Бьюсь об заклад, что вы желали большего, когда шли сюда!

— Доктор, — отвечал капитан, — вы очень проницательны. Когда я входил сюда, я предполагал просить отставки. Я не думал, что мистер Трелоней захочет выслушать меня!

— Не только не стал бы слушать, но и послал бы вас к черту, не будь здесь Лайвесей! — вскричал свайр. — Но теперь, раз уж я выслушал вас, я исполню ваши желания. Не думайте только, чтобы я стал лучшего мнения о вас!

— Как вам угодно, сэр! — сказал капитан. — После вы сами согласитесь с тем, что я только исполняю свою обязанность.

С этими словами он вышел из каюты.

— Трелоней, — сказал доктор, — против

моего ожидания, я убедился, что вы взяли к себе на шхуну двух честных людей — этого капитана и Джона Сильвера!

— Относительно Сильвера я с вами согласен, — ответил сквайр, — что же касается до этого невыносимого хвастуна, я нахожу его поведение недостойным мужчины, моряка и англичанина!

— Посмотрим! — сказал доктор. — Дальше будет виднее, что он за человек.

Когда мы поднялись на палубу, то увидели, что матросы уже начали перетаскивать оружие и порох, облегчая себе работу протяжными возгласами. Капитан и мистер Арро наблюдали за перестановкой.

Новое устройство очень нравилось мне. В кормовой части судна помещалось шесть кают, соединявшихся с кухней и носовой частью только узким коридором на левой стороне судна. Прежде эти каюты предназначались для капитана, мистера Арро, Гунтера, Джойса, доктора и сквайра, теперь же туда поместили меня и Редрута вместо капитана и мистера Арро, которые должны были спать наверху, на палубе, в низкой комнате, но достаточных размеров, чтобы вместить две койки. Штурман, по-видимому, был доволен этим перемещением. Быть может, и он также сомневался насчет команды? Впрочем, это было только одно

предположение с моей стороны, так как мы недолго пользовались его услугами.

Работа была в самом разгаре, когда явились на судно последние матросы и с ними Долговязый Джон. Повар выскочил из лодки с ловкостью обезьяны и, увидев перестановку, вскричал:

— Эй, товарищи! С чем вы тут возитесь?

— Переставляем бочки с порохом, Джек! — отвечал кто-то.

— Но ведь так мы пропустим, чего доброго, утренний отлив! — вскричал Джон.

— Это мой приказ! — вмешался капитан. — Можете отправляться вниз, в кухню. Матросы должны поужинать в свое время!

— Слушаю, сэр! — отвечал повар. И, отдав честь, моментально скрылся по направлению к своей кухне.

— Это хороший человек, капитан! — замолвил за него словечко доктор.

— Очень возможно, сэр! — отвечал капитан Смоллет. — Осторожнее с этим, люди, осторожнее! — крикнул он матросам, которые тащили бочку с порохом. Вдруг он увидел, что я стою в сторонке и с интересом смотрю на всю эту суетню.

— Прочь отсюда, юнга! — крикнул он мне. — Отправляйтесь к повару и спросите у него какой-нибудь работы для себя!

Я бросился бегом вниз и слышал, как он громко сказал доктору:

— Я не потерплю любимцев на своем судне.

Я совершенно разделял мнение сквайра о капитане, которого возненавидел от всей души.

Глава X

Путешествие

Вся эта ночь прошла в суете и хлопотах, так как мы устраивались на шхуне и принимали друзей сквайра, между прочим и Блэндли, которые приезжали пожелать ему счастливого пути и благополучного возвращения. Никогда раньше в «Адмирале Бенбоу» не выпадало на мою долю столько работы, и я был страшно утомлен, когда перед рассветом боцман затрубил в рог и команда принялась за последние приготовления к отплытию. Но если бы я чувствовал и вдвое большую усталость, то и тогда не ушел бы с палубы; все было для меня так ново и интересно: и эти отрывистые приказания, и резкий звук рога, и матросы, мелькавшие по палубе при свете корабельных фонарей.

— Ну, Джон, затяни-ка песню! — крикнул кто-то.

— Да только старую! — сказал другой.

— Ладно, ладно! — отвечал Долговязый

Джон, стоявший на палубе, опершись на костыль, и вдруг запел песню, которая была мне так хорошо известна:

«Пятнадцать человек на ящик мертвеца...».

Вся команда подтянула хором:

«Ио-хо-хо, и бутылка рома!»

Я перенесся мысленно в нашу старую гостиницу «Адмирал Бенбоу», и мне почудился голос покойного капитана. Но это продолжалось не дольше секунды. Шхуна снялась с якоря, паруса начали надуваться и берег вместе со стоящими около него кораблями стал постепенно удаляться от нас. Раньше, чем я успел поспать в каюте какой-нибудь часок, «Испаньола» была уже в открытом море на пути к Острову Сокровищ.

Не стану подробно описывать всего путешествия. Оно было вполне благополучно. Корабль наш оказался отличным, команда — искусной в морском деле, а капитан прекрасно исполнял свои обязанности. Но раньше, чем мы добрались до Острова Сокровищ, произошли события, которые стоит передать.

Во-первых, мистер Арро оказался даже хуже, чем о нем думал капитан. Он не пользовался никаким авторитетом среди матросов, и последние

делали все, что им было угодно. Но хуже всего было то, что со второго или третьего дня плавания он стал показываться на палубе с мутным взглядом, раскрасневшимися щеками, заплетающимся языком и другими признаками злоупотребления вином. С каждым днем он опускался все ниже и ниже и, случалось, проводил целый день в каюте, лежа на своей койке. Но иногда он отрезвлялся на один или два дня и тогда исполнял свое дело довольно сносно. Откуда он получал водку — это было тайной, которую мы никак не могли открыть, как ни ломали *себе* голову. Мы терялись в догадках, и все наши подкарауливания не привели ни к чему. Когда же его спрашивали об этом, он или отвечал только смехом, если был пьян, или же, если бывал трезв, торжественно уверял, что не пьет ничего, кроме воды.

Он был не только бесполезен как штурман, но оказывал даже дурное влияние на матросов. Кроме того, ясно было, что он может дорого поплатиться за свою страсть к пьянству. Поэтому никто не был удивлен и даже огорчен, когда в одну темную ночь он исчез бесследно, и больше мы его не видели.

— Упал в море! — решил капитан. — Что ж, джентльмены, это избавляет нас от хлопот, а его — от железных оков, которые пришлось бы ему, пожалуй, одеть.

Но так как неудобно было обходиться без штурмана, то пришлось повесить одного из матросов. Наш боцман Андерсон, самый симпатичный из людей на судне, исполнял обязанности штурмана, хотя и сохранил свое прежнее звание. Знания морского дела мистера Трелонея, так много путешествовавшего, оказались также очень кстати, и он часто стоял на вахте в хорошую погоду. Кроме того, и другой боцман, Израиль Гандс, старый, опытный и добросовестный моряк, мог, в случае нужды, исполнять какую угодно работу. Он пользовался большим доверием и дружбой нашего корабельного повара, почему я, кстати, скажу несколько слов и об этом последнем. Разгуливая по палубе, он подвязывал костыль на ремне к шее, чтобы иметь свободными обе руки. Интересно было смотреть, как он бегал со своим костылем по кораблю, хватаясь иногда за переборку и приспособляясь к движениям судна. Особенно любопытное зрелище представлял он во время сильной качки: быстро, как никто другой, перебежал он по палубе, хватаясь временами за веревки, протянутые ради него в наиболее широких частях, — «серьги Долговязого Джона», как их называли. Часто он даже не пользовался при этом своим костылем, и тот висел на ремне, привязанном вокруг шеи. Но, несмотря на всю его ловкость и проворство, те из матросов, которые

плавали с ним раньше, часто выражали сожаление, что он уже не тот, каким был когда-то.

— Это необыкновенный человек! — говорил мне боцман Гандс. — Он прошел хорошую школу в молодости и, если захочет, то может говорить как книга. К тому же, как он смел! Лев не может сравниться в храбрости с Долговязым Джоном. Я видел раз, как на него, безоружного, напало четверо человек, и он стукнул их друг о друга головами!

Вся команда уважала и даже слушалась его. Он имел особенную способность попадать каждому в тон и оказывать всем разные услуги.

Ко мне он был необыкновенно добр и всегда радовался, если я заходил к нему на кухню, которую он держал в удивительной чистоте: на стене висела сверкавшая посуда, а в одном углу помещалась клетка с попугаем.

— Входите, входите, Гаукинс! — говорил он обыкновенно. — Поболтайте с Джоном! Ни с кем не болтает он с таким удовольствием, как с вами. Садитесь сюда и слушайте новости. А вот и мой «Капитан Флинт», я прозвал так моего попугая по имени одного знаменитого пирата. Капитан Флинт предсказывает нам успешное путешествие. Не так ли, капитан?

Попугай начинал с невероятной быстротой выкрикивать: «Червонцы, червонцы, червонцы!» Можно было только удивляться, как не

захватывало у него дух. Тогда Джон набрасывал платок на клетку и продолжал свой рассказ:

— Этой птице, Гаукинс, пожалуй, уже все двести лет: ведь попугаи живут очень долго. И это, наверное, самый замечательный попугай на свете. Подумайте только, он плавал вместе с Инглэндом, со знаменитым капитаном Инглэндом, пиратом. Он побывал и на Мадагаскаре, и на Малабаре, и в Суринаме, и в Портобелло. Он присутствовал при поднятии со дна морского затопленных судов; тут-то он и научился кричать: «Червонцы»! И в этом нет ничего удивительного, потому что их достали там целых триста пятьдесят тысяч, подумайте только, Гаукинс! Он был при abordage судна «Вице-король Индии», в Гоа. А ведь если посмотреть на него, так можно подумать, что он еще настоящее дитя. Между тем немало он понюхал пороху — так ведь, капитан?

— Дружно! Поворачивай на другой галс! — выкрикивал попугай.

— О, это лихой матрос! — говорил повар и давал попугаю сахар из своего кармана. Затем попугай принимался долбить клювом перекладину в клетке и выкрикивать самые ужасные ругательства.

— Вот вам доказательство, — говаривал тогда Джон, — что дурное общество не проходит даром. Взять хоть эту старую, ни в чем неповинную птицу,

которая сама не понимает, что говорит. Ведь она ругалась бы точно так же, будь здесь хоть сам капеллан!

При этих словах Джон дотрагивался до своих передних волос с таким торжественным видом, что я принимал его за лучшего человека в мире.

Между тем сквайр и капитан Смоллет продолжали держаться друг от друга на почтительном расстоянии. Сквайр, не стесняясь, выражал капитану свое презрение, капитан же, со своей стороны, вступал в разговоры только тогда, когда его вызывали на это, и говорил всегда резким и сухим тоном, без лишних слов. Он сознался, когда от него потребовали прямого ответа, что ошибался относительно команды, и что некоторые матросы не оставляли желать ничего лучшего, и все вообще исполняли свое дело вполне исправно. Что касается шхуны, то он откровенно восхищался ею, находя, что она так же слушается руля, как и примерная жена своего мужа.

— Но, — прибавлял он обыкновенно, — я все же знаю, что мы не вернемся назад, и не одобряю этого путешествия!

Сквайр поворачивался при этих словах спиной к капитану и говорил, шагая взад и вперед по палубе:

— Еще немного, и этот человек выведет меня наконец из терпения!

Бывала во время нашего плавания и свежая погода, но это только яснее обнаружило достоинства нашей «Испаньолы». Все на корабле казались довольными своей судьбой, да иначе и не могло быть, так как, я думаю, еще ни одну команду в мире не баловали больше нашей. По малейшему поводу матросов угощали двойной порцией грога, а также во все праздники, и каждый раз, как только сквайр узнавал о дне рождения кого-нибудь из своих подчиненных; на палубе постоянно стоял открытый бочонок с яблоками, так что каждый желающий мог брать оттуда, сколько ему было угодно.

— Ничего хорошего не выйдет из этого, — говорил капитан доктору Лайвесею. — Так баловать подчиненных, значит, только портить их, и они после сядут вам на шею. Я убежден в этом!

Но бочонок с яблоками сослужил нам службу, как вы скоро увидите, и не будь его, мы все погибли бы от руки изменников.

Мы были уже недалеко от острова (где именно, я умолчу об этом) и с часу на час ждали, что он покажется на горизонте. По вычислениям, это был последний день нашего пути, и в эту ночь, или самое позднее, утром, на следующий день, должен был показаться Остров Сокровищ. Мы держали на юго-юго-запад; ветер был благоприятный. «Испаньола» быстро неслась по

спокойному морю, ныряя временами бушпритом в воду и поднимая кругом себя облако брызг. Все были в самом отличном настроении духа, предвкушая скорый конец первой половины нашего путешествия.

После захода солнца, окончив все свои работы, я направился было в свою каюту, но мне захотелось полакомиться яблоком, и я свернул на палубу. Люди, стоявшие на вахте, смотрели вперед, не покажется ли остров. Рулевой, стоя перед парусом, тихонько посвистывал себе под нос; кроме этих звуков да легкого плеска воды, ничто не нарушало окружающей тишины.

Я прыгнул в бочку, на дне которой оказалось всего одно яблоко, и, сидя здесь в темноте, едва не заснул под мерный плеск воды и покачивания судна. Очнулся я от дремоты только тогда, когда кто-то грузно опустился на палубу около бочки и облокотился о нее спиной, так что она покачнулась. Только что я собирался выскочить из бочки, как этот человек заговорил, и я узнал голос Сильвера.

Не успел он произнести и дюжины слов, как я переменял свое намерение вылезать из бочки и остался лежать в ней, прислушиваясь к разговору и весь дрожа от страха: из первых же слов я понял, что спасение всех порядочных людей на судне находилось в моих руках.

Глава XI

Что я услышал из бочки с яблоками

— Нет, не я, — говорил Сильвер, — а Флинт был капитаном, я же только помощником! Ногу свою я потерял в том же деле, где и старый Пью свои глаза. Искусный был хирург, который ампутировал мне ногу, — ученый из колледжа, а все же не отвертелся от виселицы, как и все остальные на «Корсо-Кэстле». То были люди Робертса, и случилось все это из-за того, что меняли название своего судна — то называлось оно «Королевское счастье», то еще иначе. Нет, уж как окрестили корабль, таким он и должен оставаться, по-моему. Вот «Кассандра», например, довезла нас в целости домой из Малабара после того, как Инглэнд взял «Вице-короля Индии». То же самое было и со старым кораблем Флинта. Зато я видел на нем немало золота.

— О! — вскричал с восхищением самый молодой из матросов. — Вот так удалец был этот Флинт!

— Дэвис тоже был хоть куда, по общему мнению, — продолжал Сильвер, — но я никогда не плавал с ним, а только с Инглэндом, да потом с Флинтом — вот и вся моя история. После плавания с Инглэндом я скопил 900 фунтов стерлингов, а с Флинтом 2000. Это ведь недурно для простого

матроса? Деньги лежат в надежном месте, можете положиться на это. Куда девались все люди Инглэнда? Неизвестно. А где матросы Флинта? Большая часть из них здесь, и они не нарадуются этому; раньше-то пришлось некоторым поголодать. Старый Пью, например, как потерял зрение, тратил по 1200 фунтов в год, точно какой-нибудь лорд, заседающий в парламенте. А что он теперь? Положим, теперь-то он умер уже, но два года перед тем он просто голодал: просил милостыню, воровал, перерезал глотки при случае, а все-таки голодал!

— Да, можно бы умнее истратить деньги! — сказал молодой матрос.

— Можно бы, да только не дуракам! — вскричал Сильвер. — А теперь рассудите сами: правда, вы молоды, но умнее другого взрослого. Я сразу же понял это, как только увидел вас, и буду с вами говорить, как со взрослым мужчиной.

Можете себе представить мое негодование, когда я услышал те же самые льстивые слова, которые этот старый негодяй говорил и мне. Если бы только это было возможно, я убил бы его на месте. Между тем Сильвер продолжал дальше, не подозревая, что его подслушивают.

— Вот, например, «джентльмены удачи». Жизнь их, конечно, нелегкая, и они рискуют своей жизнью, но зато едят и пьют сладко, а после

плавания фартинги² в их карманах превращаются в фунты. Но большая часть из них скоро все пропивает и затем снова ни с чем отправляется в море. Но это не в моем вкусе. Я никогда не сорю деньгами. Мне уже пятьдесят лет, заметьте. Еще это плавание, и тогда можно будет отдохнуть. Но, хотя я и не мотал деньги, я всегда жил всласть и никогда не отказывал себе в заветных желаниях: и спал мягко, и ел сладко. А с чего я начал? Был таким же простым матросом, как и вы!

— Недурно! — сказал матрос. — Только ведь теперь уж ваши денежки пропали, поди? Ведь вы не решитесь вернуться в Бристоль после этого плавания?

— А где же, вы думаете, лежат мои деньги? — насмешливо спросил Сильвер.

— Конечно, в Бристольском банке! — ответил его товарищ.

— Они еще были там, когда мы снимались с якоря! — сказал повар. — Но моя старуха уже взяла их теперь оттуда. «Подзорная труба» продана со всем, что в ней было, и старуха моя встретит меня... Я бы сказал вам, где, так как доверяю вам, но товарищи пожалуй, станут завидовать.

— И вы вполне доверяете вашей жене? —

² Мелкая английская монета — полушка.

спросил матрос.

— «Джентльмены удачи», — ответил повар, — обыкновенно верят друг другу до некоторой степени, и они правы, можете положиться на это. Впрочем, я не из таких, которые дали бы проделать с собой такую шутку, а если бы и нашелся такой охотник, ему недолго пришлось бы наслаждаться в одном мире со старым Джоном. Были люди, которые боялись Пью, другие трепетали перед Флинтотом, а Флинт сам боялся меня. Команда Флинта была из самых диких и разнузданных, и сам черт побоялся бы пускаться с ними в море. Ну, а между тем, хотя завзятых пиратов Флинта и нельзя было назвать овечками, я справлялся с ними, говорю не хвастаясь!

— Ну, скажу вам откровенно, — сказал молодой матрос, — прежде мне ваше дело было не по душе, а теперь, после этого разговора с вами, Джон, я согласен ударить с вами по рукам!

— Вы славный малый и с головой, — отвечал Сильвер, и так крепко потряс ему руку, что моя бочка задрожала. — Более подходящего человека для «джентльмена удачи» я в жизни своей не видывал!

Я стал понимать уже язык, на котором говорил Сильвер. Под «джентльменами удачи», он, очевидно, разумел обыкновенных пиратов, и та сцена, которая только что разыгралась передо

мной, была просто-напросто вербовкой в пираты одного из честных матросов, быть может, последнего честного матроса.

Между тем Сильвер тихонько свистнул, и на палубе появился еще кто-то.

— Дик — наш! — сказал Сильвер.

— О, я так и знал! — ответил голос, в котором я узнал боцмана Израиля Гандса. — Он не глуп, этот Дик!

Он несколько секунд молча жевал свой табак.

— А вот что я хотел бы знать, Джон! — продолжал он. — Сколько еще времени мы будем ждать у моря погоды? Мне уже по горло надоел этот капитан Смоллет. Черт возьми, раздражает он меня так, что не стерпеть больше. Я хочу, наконец, спать в их каюте, угощаться их пикулями и винами!

— Израиль, — проговорил Сильвер, — ты никогда не отличался умом, но слышать-то ты можешь, для этого у тебя уши достаточно длинные. Ну, так слушай, что я скажу: ты будешь спать и есть плохо, и не будешь напиваться, и будешь вежлив, пока я не скажу, что настала пора действовать. Можешь положиться, что это будет так, мой милый!

— Что ж, я ничего и не говорю против этого! — заворчал боцман. — Что же я такое сказал? Но когда это будет, я спрашиваю?

— Когда? Черт возьми! — вскричал

Сильвер. — Хорошо, если вы желаете знать, я скажу вам, когда это будет: когда я в состоянии буду управлять судном, вот когда. Ведь у нас на корабле первостатейный моряк, капитан Смоллет, и сквайр, и доктор; у кого хранится карта, я не знаю, и никто из вас не знает. Ну-с, так вот, когда сквайр и доктор найдут клад и перетащат его на корабль, тогда мы посмотрим. Если бы я был уверен во всех вас, то дал бы капитану Смоллету довести нас до половины обратного пути, а уж потом бы покончил с ним!

— Что ж, мы ведь тоже моряки, я полагаю! — отозвался молодой Дик.

— Все мы только умеем исполнять чужие приказания, а не управлять ходом корабля. Если бы я мог сделать по-своему, то позволил бы капитану Смоллету довести нас назад, по крайней мере, до пассатов. Потом мы справились бы и без него. Но я знаю, что вы все за люди, поэтому кончу с ними еще на острове, как только клад будет на корабле. Но ведь ваше счастье только в водке. Честное слово, у меня сердце болит, как я подумаю, что надо плавать с такими людьми, как вы!

— Потише, Долговязый Джон! — вскричал Израиль. — Кто же вам перечит?

— Уж я ли не видал кораблей?! И как много людей гибло из-за того, что слишком спешили! Я видал на своем веку виды, и вы могли бы

разъезжать в собственных каретах, если бы только захотели. Но куда вам! Знаю я вас! Вы будете только напиваться своим ромом, а потом кончите виселицей!

— Всем известно, что вы умеете говорить, Джон! — сказал Израиль. — Но ведь и другие найдутся, которые не хуже вас командуют и правят рулем. Кричали-то они поменьше, чем вы, а делали свое дело и были хорошими товарищами!

— В самом деле! — заметил Сильвер. — Ну, а где они теперь? Пью был из таких людей, а умер нищим. Флинт тоже, а погиб от рома. О, это была славная шайка людей, только где она теперь?

— Но что же мы сделаем с нашими, когда настанет пора? — спросил наконец Дик.

— Вот это хвалю! — вскричал восторженно повар. — Этот малый в моем вкусе! Да, что же с ними сделать? Бросить на необитаемом острове? Так поступал Инглэнд. Или прирезать их, как свиней? Это была манера Флинта и Билли Бонса!

— Да, Билли был на это мастер! — заметил Израиль. — «Мертвые не кусаются», говаривал он. А вот теперь и сам умер. Железная рука был этот Билли Бонс!

— Это верно, он был суров и ловок, — сказал Сильвер. — Но заметьте: я человек мягкий вообще, настоящий джентльмен, могу сказать, но теперь настало тяжелое время. Дело надо делать серьезно.